

Борис Николаевич Климычев
Сибирский кавалер (сборник)
Серия «Сибириада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654325
Борис Климычев. Сибирский кавалер (сборник): Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-1214-5, 978-5-4444-7993-3

Аннотация

XVIII век. Приехавшего с радужными надеждами в Россию Томаса де Вильнева (1715–1794) арестовывают как тайного соглядатая. Но «бионовщина» вскоре заканчивается, и де Вильнев становится поручиком российской армии. На войне против Пруссии он получает орден и чин майора. Его шлют служить... на Алтай. Здесь, спустя десять лет, уже в чине полковника, де Вильнев становится комендантом города Томска. Отважный офицер, общественный деятель, умный, радеющий за порученное дело чиновник, естествоиспытатель, алхимик, мечтающий об эликсире молодости и философском камне, он до конца лет своих остался душевно тонким, романтичным человеком, пронесшим через всю жизнь высокое чувство любви к простой русской крепостной девушке, с которой в молодости едва успел познакомиться.

Роман «Ребро Адама» повествует о том, как знатный молодой человек, учившийся за границей и ставший на родине стольником патриарха, в 1644 году попал в опалу, но не захотел стать послухом – шпионом в среде золотой молодежи. Так Григорий Плещеев-Подрез оказался в далеком сибирском городе Томском, только что построенном в глухой тайге на крутой горе близ полноводной реки...

Содержание

КАВАЛЕР ДЕВИЛЬНЕВ	5
1. ЖАРА В ИБРЯШКИНЕ	5
2. ЛИКИ В ОКНАХ	13
3. ТОЛЬКО УСОМ ШЕВЕЛИТ	21
4. ВРЕМЕННЫЙ БАРИН	27
5. ЭТО – У МЕНЯ В ШТАНАХ!	32
6. НОЧЬЮ В ОДИНОКОЙ КЕЛЬЕ	35
7. МЕРТВЫЕ ВОЗНИЦЫ	38
8. Я САМ – ЕВАНГЕЛЬ!	42
9. КОНЕЦ СКОРПИОНА	46
10. ПЕЛИКАН ПРОСНУЛСЯ	54
11. ВЕНЕРЫ И АПОЛЛОНЫ	59
12. ПЕТЕР УЛЬРИХ ВОСКРЕС	62
13. И СНОВА ПЕЛИКАН	66
14. ЩЕМЯЩИЕ ЗВУКИ ЦИНА	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Борис Климычев

Сибирский кавалер (сборник)

© Климычев Б. Н., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

КАВАЛЕР ДЕВИЛЬНЕВ

1. ЖАРА В ИБРЯШКИНЕ

Дворец Жеваховых располагался в уютном саду за Ивановским монастырем. Высоченные липы заглядывали в окна. Экипаж остановился у парадного крыльца. Томас позвонил и попросил лакея известить обитателей дворца о своем прибытии.

На парадной лестнице Томаса встретил величественный дворецкий в английском парике и с длинным жезлом в руке.

Спустившись с парадной лестницы ровно наполовину, Томаса ожидал Пьер. Он простер к своему сокурснику руки, крепко обнял его. Взял под руку, повел.

В большой парадной комнате ждали гостя родители Пьера: княгиня Ксения Михайловна и князь Георгий Петрович.

Пьер подвел Томаса к ним, улыбнулся:

– Позвольте вам представить, дорогие родители, моего товарища Томаса Девильнева. Это с ним разделял я все тяготы студенческой жизни, все трудности постижения наук. Это с ним столько лет терзали нас сорбонские профессора, словно злые гарпии, навсегда отравив нашу младость.

Княгиня спросила:

– Каково доехали?

Томас поблагодарил, сказал, что доехал он великолепно и получил массу самых приятных впечатлений.

– Рад вас видеть! – по-французски сказал старый князь, сделав приглашающий жест. А по-русски обратился к жене:

– Сему французскому молодцу крепко надрал уши русский мороз! Уши у него того гляди отвалятся.

Княгиня шикнула:

– Вдруг он понимает по-русски!

– Откуда? – сказал князь. – У них русского не изучают, хотя одна наша славянка была их королевой. Была в одиннадцатом веке такая королева Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, вышедшая замуж за Генриха Первого. Именно она построила аббатство Сансон. Осталась от неё древняя славянская библиотека. Рунические книги, написанные на деревянных дощечках и схваченные железными кольцами. Да вот еще сватали за Людовика Пятнадцатого нашу цесаревну Елисавету, дочь Петра Великого. Да не сладилось. Я чаю, жители Франции русского языка не разумеют.

Дворец подавлял своей помпезностью, обилием золотого тона. Были вызолочены витые колонны, искусные изваяния и даже изразцы печей и ступени лестниц.

Сотни свечей горели в хрустальных люстрах. Огоньки бежали по паркету, похожему на чистые воды пруда. На полу там и сям стояли фарфоровые вазы в рост человека и в них благоухали огромные розы всех цветов и оттенков.

В простенках тихо тикали и мелодично названивали часы, исполненные знаменитейшими швейцарскими мастерами. В центре одной залы была помещена ваза из уральской яшмы, с фонтаном высоких струй.

Петр и Томас следовали за князем и княгиней. И высокие лакеи в белых пудренных париках распахивали створки все новых и новых величественных дверей. Наконец они попали в залу с огромным столом, заставленным бутылками и яствами. В углу этой залы сидел искус-

ственный филин. Его глазами были крупные агаты. Неведомым образом сей филин громко ухал, махал крыльями, качал головой и мигал, когда вносили новые блюда.

Пьер выпил за обедом много шампанского, чем вызвал неудовольствие родителей.

На другой день Пьер и Томас отправились в дорогой княжеской карете осматривать великий город.

Пьер прежде всего выразил сожаление, что не удастся показать другу настоящую боярскую Москву, какой она была до пожара 1737 года. Тогда Москва почти вся выгорела от свечи, забытой перед иконой. А сколько было многоярусных деревянных теремов, украшенных чудной резьбой. Всё улетело столбами дыма в небеса, от деревянных дворцов остались лишь кучи золы. Выгоревшие кварталы кое-где до сих пор не застроились. Но все равно в Москве в тысяча семьсот тридцать девятом году было на что посмотреть!

Кремлевские башни были наверху украшены шатрами. Пьер показывал изукрашенный затейливо, словно праздничный хлеб, собор Василия Блаженного. На возвышенных местах сияли золотом главки церквей. С краснокирпичными строениями соседствовали остатки старинных известняковых белокаменных палат.

– А это Ивановский холм! – указал вперед Пьер. – Сие Ивановский монастырь, кирпичный, с белыми фризами, смешавший в себе европейское барокко и московскую готику. Главный собор тут посвящен усекновению главы Иоанна Предтечи, который считался ангелом Ивана Четвертого, Грозного. Место называлось Чертовы кулижки. Так и говорили: «На угоре, в старых садах у Чертовых кулижек!»¹

Почему так? Была при монастыре нищепитательница². Однажды повадился в сию нищепитательницу черный дух ходить. Озоровал. Нищих с полатей сбрасывал, камни в них метал, дверьми хлопал. Пришел митрополит Илларион, и давай кропить по стенам святой водой. Молитву читает, на кулички встал, на коленки, то есть, а дух-то ему под ноги подкапывается в виде черного кота, поклоны бить мешаает. Илларион молитвой все преодолел и духа от монастыря отвадил.

Пьер на стоянке наемных экипажей заплатил возницам, чтобы они ехали все вслед за княжеской каретой. То же самое он проделывал и на других стоянках. Вскоре за каретой Жевахова тянулся такой длинный хвост из карет, дормезов, шарабанов, дрожек, таратаек³, что и конца его не было видно. Кorteж перегораживал улицы и площади, озадачивая и конных, и пеших.

Наездились они по Москве досыта. Заезжали в какую-то трактирию, где искусно пели и танцевали цыгане. Во дворец вернулись поздно, дома в Москве Пьер себя вел не лучше, чем в Париже.

Прошла неделя, и Томас хотел напомнить товарищу, что его заботит приискание должности, не гулять же он сюда приехал. Но однажды, после обеда, Девильнев не лег отдохнуть, как было здесь заведено, а забрел в дворцовый зимний сад. Там хорошо было сочинять стихи, он уединился на скамье в оранжерее среди цветов и грядок с огурцами. Он наслаждался теплом, ароматом, тишиной. Как вдруг раздались шаги.

Томас услышал голос старого князя, ему отвечал Пьер. Князь говорил:

– Я отлучен от жизни, мне запрещено бывать в Петербурге. Кругом за мной следуют агенты Бирона, фаворита императрицы. Он восстановил отмененную после смерти Петра Первого Тайную канцелярию «Слово и дело». Этот недоучка, изгнанный за недостойное поведение из Кенигсбергского университета, переполнил страну шпионами и фискалами. Ты разве этого еще не понял? Посмотри! По городам и весям висят на колесах четверто-

¹ «На угоре, в старых садах...» означает: «На холме, в старых садах...».

² Нищепитательница – ночлежка и столовая для нищих, которые находили в монастыре ночлег и пропитание.

³ Дормезы, шарабаны, дрожки, таратайки – разновидности конных экипажей.

ванные. Москвичи уже боятся выходить на улицы. Как хищный ворон, Бирон выискивает себе все новые и новые жертвы. По улицам водят закованных в железо арестантов. Их лица закрыты капюшонами, и сквозь прорези для глаз они рассматривают всех встречаемых. На кого они укажут, крикнув свое «Слово и дело!», того тотчас забирают. Предполагается, что они указывают на сообщников, но могут указать на кого угодно, лишь бы отправить на муки и захватить на тот свет с собой как можно больше людей.

И за мной очень прилежно следят. Ведь я был в дружбе с казненным недавно кабинет-министром Артемием Петровичем Волынским. Единственная вина его в том, что выступил на заседании против помощи Польше, вечно нам враждебной. А именно о такой помощи хлопотал Бирон!

Волынского схватили. Этого честного государственного мужа обвинили в измене и бог еще знает в чем! Приплели и такую вину, как избиение придворного пиита Третьяковского. Долго пытали Артемию Петровича, отсекали руку, а затем и голову. А вместе с ним побили немало видных вельмож. Я ожидаю каждый день и час, что и за мной явятся. Вот! А ты надеялся шума в Москве своим дурацким поездом наемных карет. Мне нельзя бывать в столице. Тебе можно. Тебе надо жениться на этой немке. Она родственница фельдмаршала Миниха. Это хотя бы отчасти снимет с меня опалу.

– Батюшка, все, что угодно, только не это! – воскликнул Пьер. – Я не могу жениться не по любви!

– Для любви бывают любовницы! Знатные люди женятся чаще всего по политическому расчету. Возьми во внимание всех царских особ! Кто из них женился по любви? Да что царские особы, даже рабы-крестьяне женятся сообразно разделу имущества или из других меркантильных соображений. А здесь речь идет не о деньгах, здесь дело идет – о моей чести, даже о жизни моей! И ты не хочешь помочь?

– Не могу, это свыше моих сил! – отвечал упавшим голосом Пьер.

– Вот как ты благодаришь меня за мое доброе к тебе отношение! – воскликнул старый князь. – Мало тебе парижских куртизанок, ты и здесь решил ехать на перекладных...

Два месяца Пьер не выходил из пьяного загула. Бесполезно было с ним говорить о делах. Князя и княгиню в эти месяцы Томас почти не видел. Он сидел в своей комнате и читал книги из княжеской библиотеки. На обед его теперь приглашали не в дворцовую столовую, а в нижний этаж, где харчевались слуги. Это было унижительно и до слез обидно. Он чувствовал себя зверьком, попавшим в капкан. Он не имел денег нанять экипаж, он не знал города, не знал языка. Он тысячу раз пожалел о том, что не раздобыл во Франции рекомендательные письма к осевшим в России соплеменникам. Такие письма, наверное, он добыл бы перед отъездом из Парижа. Но он был так самонадеян, так верил в помощь Пьера Жевахова!

Между тем зима сошла на нет. За окном буйно зазеленели кустарники и зажелтели вербы, словно армия гномиков зажгла свои желтые свечи. Снега стаяли, и солнце плескалось в лужах.

И вот его друг во время одной из пьяных оргий простудился и слег в постель. Теперь он лежал обложенный компрессами и грелками в своей спальне, и возле него хлопотали доктора. Вскоре Томасу удалось остаться с Пьером наедине. Томас мог с ним поговорить. Он просил денег взаймы и адрес какого-нибудь француза, проживающего в Москве или в Петербурге.

– Наплюй ты на своих французов! – отвечал Жевахов. – Москву ты уже посмотрел, теперь пора тебе посмотреть и мое имение.

– Но, друг мой, я ведь должен найти прочную опору своего существования, – с грустью ответил Томас.

– Да я обещал тебе помочь через моего отца получить должность. Но обстоятельства переменились. Отец в опале. Более того, он теперь гневается на меня из-за того, что я не хочу

жениться по его выбору. Я и пил-то с горя. Понимаю, что я вел себя как скот бессловесный. Но я исправлю вину. Ей-богу!

И лучше тебе теперь не искать своих французов. Императрица и Бирон всюду ловят французских шпионов. Вышла в Париже и печатается в других странах книжка «Московские письма». В сей книге автор разделяет в пух и прах и Бирона, и императрицу Анну Иоанновну, всё правительство, наши дикие нравы и жестокие застенки. Говорят, что автор – италяшка Франциск Локателли. Но он не мог знать в таких подробностях тайны нашего двора. Я слышал от верных людей, что книгу эту ему продиктовал покойный Волынский. За это его и казнили, а вовсе не за избиение поэта Тредиаковского, как думает мой бедный родитель. Сейчас агенты подозрительно смотрят и на всех французов. Чего это они в своих Парижах крамольные книжки печатают?

Нынче агенты Бирона еще следят и за царевной Елисаветой, которая была невестой вашего Людовика, и они распускают слухи, что она якшается с французами. Этим хотят погубить принцессу. Могут заточить в монастырь или еще что похуже с ней сделать.

Лучше тебе сейчас забыть, что ты француз. Поедем в имение. На природе легче думается. Может, постепенно инквизиция обожрется кровью и устанет. Тогда я напишу письма некоторым своим друзьям. Может, где-то тебе хорошую должность подыщем. А пока мы подышим свежим деревенским воздухом. Согласен?

Томас согласился. Почему не узнать еще одну из сторон российской жизни?

Карета только выехала из Москвы, а на колеса намоталось столько грязи, что фореитора, вознице и Федьке-казачку приходилось то и дело прыгать по колено в грязь и помогать вращению колес руками.

В дороге их нагнала странная колымага с тремя крестьянами. В колымагу были впряжены цугом три немецкие лошади. Жевахов выглянул из кареты и крикнул:

– Эй вы! Помогите карету вытащить!

Мужики ничего не ответили, они и не подумали помочь, но остановили лошадей. Выжидали. Тронулась карета Жевахова, поехала за ней и колымага. Так эти непонятные люди и ехали вслед за каретой Жевахова, до самого его имения. И вдруг словно сквозь землю провалились.

В деревушке Ибряшкино за каретой Жевахова побежали мальчишки и девчонки, причем дети обоего пола до десяти лет были без штанов, в одних грязных и рваных холщовых рубахах. Все кричали:

– Князь приехавши!

На возвышенном месте стоял деревянный двухэтажный барский дом с колоннами. Из дверей дома выскочил длинный, лохматый, плешивый, синеглазый человек. Он кланялся, держа в руке весьма пыльный парик, который не успел надеть.

Пьер Жевахов коротко пояснил Томасу:

– Управляющий Еремей, пьет, скотина!

Челядь перетасила из кареты в дом бутылки с шампанским. Жевахов предложил выпить с устатку. Велел Еремею отнести корзину с шампанским к водопаду.

– Что? Здесь есть водопад? На равнине? – удивился Томас.

– Есть, мой друг! Если князь Жевахов хочет, чтобы был водопад, он тотчас является. Ну не такой, как африканская Виктория или же американская Ниагара, но все же – водопад!

Они пошли вслед за Еремеем, который хмуро тащил с собой корзину с бутылками. Зашли в беседку, к которой примыкала небольшая рукотворная скала, сложенная из привезенных специально для этого камней. Жевахов раскупорил шампанское и сказал:

– Вот! А закусывать будем устерсами⁴.

⁴ Устерсы – так тогда назывались устрицы.

– Почему же устерсами?

– Потому что нет фруктов. Я с этого Еремея шкуру сниму.

– А не запьешь ли ты снова, друг мой?

– С чего? С этого французского квасу? Нет, не запью! Еремей! Позвать сюда трубача.

Еремей поспешил, и вернулся с губастым детиной в длинной вышитой рубахе и огромных лаптях.

– Так! Бокалы наполнены! Играй сигнал! – скомандовал Пьер. Детиной встал на карачки, задом к беседке, вдруг спустил порты, обнажив прыщавую задницу. Он приставил мунштук трубы к своему заднему отверстию и громко продолжительно пукнул, так, что труба произвела нечто похожее на сигнал: «Слушайте все!». Тотчас с вершины рукотворной стены зажурчал поток воды. Струи разбивались возле самой беседки и журчали. Зазвенели бокалы. Трубач раскланялся и удалился.

– Мастер! – вслед ему сказал Жевахов. – Я его два года порол, пока не добился своего. Теперь он у меня задницей играет лучше, чем губами. А то ведь иных наших музыкантов или поэтов послушаешь, вроде бы губами играет, а звук словно из задницы идет. А у этого – всё наоборот. Он перед каждым концертом полведра вареного гороха съедает, отсюда идет его музыкальная сила.

Девильнев гадал: откуда взялся водопад? Подвели каким-то образом речку к скале и устроили подъемную систему?

– Я найду за куст по своим делам! – сказал он Пьеру. И пошел так, чтобы попасть к тыльной стороне скалы. И что же увидел? К скале с тыла примкнула лестница, несколько мужиков разместились на ступенях её и поднимали наверх полные ведра, которые передавались от пруда по живой цепочке. Самый верхний мужик эти ведра опорожнял и передавал пустые обратно.

И Томас убедился, что все эти мужики вполголоса повторяют уже известное ему слово «мать», в сочетании с другими словами, которые пока ему неизвестны. Причем лица у мужиков были мрачные, если не сказать – свирепые.

Томас вернулся к Жевахову и сказал, что хватит уже шампанского и водопада, что не худо было бы отдохнуть с дороги. Жевахов покорился. Он не совсем еще оправился от болезни, да и дорога его тоже утомила.

– Ладно! – согласился он. – Предадимся Морфею. А уж завтра займемся живописью. Не умеешь рисовать? И не надо. Я напишу твой портрет, я сделаю тебя в латах и шлеме, или ты хочешь в сутане? Я могу тебя даже в папской тиаре изобразить. Итак, Морфей. А утром – художества. Адью!

Проснувшись в обширном мезонине, они стали там же и завтракать. Нечесанный повар принес яичницу с салом на громадной сковородке. Она шипела и брызгалась.

Поев, они закурили трубки, и Жевахов пригласил Томаса вылезти из окна на крышу дома. Там была небольшая площадка, где стояли два кресла, и на особой подставке была укреплена большая подзорная труба.

– В сию трубу я в детстве любил разглядывать голых девок, когда они купались в пруду. И в двенадцать годов впервые ощутил желание. Однако тогда я к девкам подойти не смел, только глядел на них с крыши через сие стекло и чувствовал жжение внизу живота.

А подрос, и труба стала нужна и для других наблюдений. Вот посмотри-ка в трубу. Видишь там вдали лес? Вот! Это мой лес. А за лесом деревеньку можно рассмотреть. Там живет упырь, вурдалак⁵. Его зовут Захар Петрович Коровяков. Служил в гусарах. Вышел

⁵ Упырь, вурдалак – по народным поверьям, это демоническое существо, обитающее на кладбищах, питающееся мертвечиной и пьющее человеческую кровь.

в отставку и купил именице Шараховку. Посылает ночами своих людей пилить мой лес. Даже рыбу из моего пруда ночами ловят.

Сей гусар совесть с соплями съел. Он развел громадное число собак и охотится с ними в моем лесу. А что еще ждать от человека, который далек от просвещенности? Дикарь, он крестьянских баб заставляет выкармливать грудью его породистых щенков. Да так, что у сих баб не остается молока для собственных младенцев.

Прежде я этому злодею спуска не давал. Мне было всего пятнадцать лет, когда я смастерил особые арбалеты, с острыми ядовитыми стрелами, и насторожил их на тропинках в своем лесу. Своих крестьян я предупредил, чтобы не ходили в лес. Я ждал, что моя стрела поразит мерзавца. Но вышло так, что мои арбалеты подстрелили пятерых шараховских баб да троих моих же собственных, ибрышкинских. Этим дурам приспичило там грибы собирать! Ну своих баб я кое-как вылечил, а его все подошли. Так ему, злодею, и надо!

А после я уехал на учебу, и пока я отсутствовал, он все поля мои повитоптал. Пьяница Еремей никак не мог от злодея оборониться. Но теперь все по-другому пойдет, если поймаю этого упыря в моем лесу, так я этого Коровякова самого прикажу выпороть, как самого последнего бродягу.

Что говорить, дорогой друг! Скучно на таких людей смотреть. Они не знают искусства, не знают, как оно облагораживает душу. У меня даже дворня многим искусствам и прекрасным манерам обучена. И музыканты есть, и художники. А иные так просто философы древнегреческие! Погоди, мы с твоей помощью обучим всех наших мужиков французскому языку, на всех парики наденем! Такой политес заведем, как при дворе у Луи Пятнадцатого!

А теперь сойдем-ка вниз да сыграем на бильяре⁶.

Они спустились в игровую комнату, но шаров не хватало, и они были выщерблены, сукно стола было порвано. Жевахов позвал Еремея, пригрозил выпороть его за нерадение, выругал за неприличный вид. Потом приказал позвать своего крепостного живописца Леху Мухина. Синеглазый, стройный, с льяняными волосами, парень этот был одет в посконные штаны и рубаху.

– В мастерской холсты грунтованные есть? – спросил Жевахов.

– Как не быть? – ответил, кланяясь, крепостной художник.

– Хорошо, постой тут, скоро в мастерскую пройдем, станем обнаженную натуру писать. Нимфу Ибрышкинских прудов. Кого же из девок позвать? Те, которых мы писали прежде, изрослись и постарели, пока я в Париже был. Их как отдадут замуж, да в тяжелую работу, да как они родят ораву детей, так страшней крокодила становятся. Вот сейчас нам Ефросиния на стол накрывала, так я её даже не узнал, уезжал, была красotka, а теперь – венник-голик. Измусолили всю. А это кто за окошком идет?

Художник потупился и молчал.

– Я тебя спрашиваю? Поди, позови её.

Мухин и с места не стронулся.

– Ты что? Плетей захотел? Еремей, кликни-ка вон ту девку.

Костлявый управляющий, уже успевший надеть парик и умыть физиономию, опрометью бросился в двери.

Он возвратился, таща за руку девку. Стоя перед барином, она потупилась и спрятала руки под передник. Но Томас успел заметить, что эти руки не успел испортить тяжелый крестьянский труд. Узкие ладони, длинные изящные пальчики. Чистое лицо, большие темно-карие глаза, и брови – черными дугами. Это была очень молодая девушка, еще почти девочка.

– Тебя как зовут?

– Палашка.

⁶ Бильяр – так назывался тогда бильярд.

Она мельком взглянула на Леху Мухина, лицо стало наливаться румянцем.

– Искусство живописи любишь? – спросил Жевахов. Она молчала.

– Живопись надо любить! Сейчас ты прекрасна, но так будет не всегда. А художник своей кистью останавливает время. Он трогает полотно кистью и на века оставляет тебя на полотне такой, какая ты теперь есть. Это единственный на земле способ вечной молодости.

Леха Мухин невольно насупился. Князь посмотрел на него с иронией:

– А ты вырос! Я помню, как ты еще совсем сопливым юнцом растирал у меня в мастерской краски. Кто, как не я, дал тебе первые уроки живописи? Сам я давно не пишу портретов. У меня есть мечта написать лунный пейзаж при помощи подзорной трубы. Как только будет свободное время, обязательно этим займусь. Ну, веди нас в мастерскую, и ты, Палашка, шагай за нами, будешь служить натурой. Это почетно – позировать художнику! Еремей! Подай в мастерскую шампанского!

В мастерской Мухин бросился к мольберту, поспешно снял с него полотно, поставил на пол лицевой стороной к стене.

Князь сказал:

– Ну-ка, ну-ка, что там такое?

Мухин смутился:

– Картина неготова, вы сами наказывали, картину не вывешивать на обозрение, пока не будет на сем полотне сделан последний штрих.

Барин молча отодвинул парня, взял полотно и поставил на мольберт. С картины глядела Палашка. Мухин тщательно выписал каждую черточку её лица, а складки сарафана незаметно обрисовали юную фигурку. Это был только намек. Но недосказанность говорила так много! Так дразнила, так звала!

Жевахов воскликнул:

– Ага! Она уже однажды позировала! А может, и не раз? Тем лучше! Значит, есть опыт. Он налил бокал шампанского и поднес Палашке:

– Пей! Оно сладкое!

Палашка стала пить, поперхнулась, а князь протянул ей румяное яблоко.

Палашка выпила вино, а яблоко лишь надкусила.

– Ну, фея Ибряшкинских прудов, прекрасная моя, – проникновенно сказал князь, – сними сарафан свой, и всё, что под сарафаном, мы с тебя будем рисовать Венеру, а Венеры всегда бывают голыми, как в бане. Не веришь, так хоть француза спроси.

Палашка покраснела до слез и сказала:

– Никак невозможно, барин, помилосердствуйте!

– Когда князь Жевахов говорит – всё возможно! Делай, что говорю, не то прикажу высечь на конюшне! Там уж тебя разденут силой, да еще всю шкуру спустят! Со мной шутки плохие, пора бы всем в Ибряшкине это знать.

Палашке стало ясно, что князь вовсе не шутит. Она затряслась от рыданий и с плачем проговорила:

– Пусть иные особы мужеского пола все прочь выйдут.

– Да зачем же они выйдут? Алексей ведь тебя рисовать будет, а я ему помогать в этом. А француз на своей родине столько обнаженных Венер видел, что ему это не в диковину.

Палашка сняла сарафан, а рубаху снять не решилась.

– Ну, милая, что за манерности такие, – сказал князь, подойдя к ней и снимая с нее рубаху, – ты нам нужна в натуральном виде.

Палашка тотчас положила свою ладошку на определенное место, да еще и повернулась ко всем спиной.

Князь застелил кресло ковром, поднял Палашку за талию, и усадил на ковер, развернув её фасадом к зрителям. И строго сказал Палашке:

– Руку оттуда убери, подопри ею щеку, а другая твоя рука пусть на коленке лежит. Ну что ты слезы льешь, как воду из колодца? Алексей сейчас тебя писать будет. Алексей, валяй!

Лицо художника пошло багровыми пятнами. Но он принялся писать. Редко взглядывал на Палашку и тотчас отводил глаза к холсту. Палашка проявлялась на холсте быстро. Жевахов развалился на старом диване и, довольный, поглядывал на работу художника. Томас стоял ни живой ни мертвый. Сердце его колотилось где-то в горле. Впервые видел он такое прекрасное обнаженное женское тело. И то, что Палашка стеснялась до обморока, приводило его в особенное возбуждение. С этим трагически-милым выражением личика она была прекраснее многих Венер. Никогда высокое искусство не сможет состязаться с живой природой. Но в живом все постоянно видоизменяется, а в искусстве запечатлевается раз и навсегда.

Мухин уже начал прорабатывать детали, когда граф вскочил, вырвал у него из руки кисть:

– Все! Ступай! Это место я пропишу сам!

Он взглядывался в Палашкины тайны так ощутимо и жарко, что она опять пыталась загоразиваться ладошкой. Он гневно вскрикивал, и Палашка убирала руку. Он выписывал всё тщательно и вдохновенно.

Девильнева уже не держали дрожавшие ноги, он рухнул на диван. Казалось ему, что на его глазах совершают насилие. Он нашарил откупоренную князем бутылку шампанского и начал жадно пить.

Палашка была уже в изнеможении, когда барин бросил кисть на пол, развернул к Палашке холст:

– Смотри!

– Стыдно, барин, так над девицами изгаляться! – сказала Палашка. – Можно, я оденусь?

– Одевайся не одевайся, ты ныне на века раздета! – воскликнул Жевахов.

– Вот это мне и конфузно!

Жевахов оборотился к Томасу:

– Что? Какова картина?

– Мне жаль девицу, она так смущена! – невольно сказал Томас.

– Гран мерси, месье! – ответила из-за ширмы Палашка.

– Однако! – воскликнул Жевахов. – Где же ты научилась по-французски?

– Здесь, в усадьбе, – отвечала Палашка, – еще маленькой девочкой ваш папа взял меня в дом, сказав, что я есть цветок, и потому буду приставлена ухаживать за цветами. Он учил меня говорить, читать и писать по-французски. И называл украшением дома.

2. ЛИКИ В ОКНАХ

Поля вокруг Ибряшкина зазеленели всходами. Возле барского дома все запестрело цветами. Гремели грозы и шли дожди. Потом вновь выглядывало солнце.

Несколько раз Томас встречал в доме Палашку, она то спешила с лейкой в оранжерею, то сидела с другими девушками за рукоделием. Никак не удавалось застать её одну, чтобы сказать комплимент.

Однажды вечером Томас слышал, как Палашка пела под лютию. Он был поражен тем, как славно звучало её пение, в нем были и одаренность, и талант.

Пробудитесь, я жду вас, красавица,
Рощи новой листвою кудрявятся.
И природа с искусством затеяла спор,
Расстелив на лугах пестроцветный ковер.

Девильнев продрался сквозь ветви шиповника, кашлянул. Палашка вздрогнула и обрвала пение.

– Пардон, мадемуазель! Откуда вы знаете стихи Франсуа де Малерба?

– Меня старый барин читать по-вашему обучил. Много книг. Я сама подбираю музыку на стихи. Мне видятся лазурные берега, напоенные ароматами роз. О месье! Я думаю иногда о том, почему один человек рождается простолюдином, а другой благородным. Разве в моем сердце не может быть благородных чувств?

– Конечно же могут быть у вас такие чувства! – поспешил её заверить Томас. – Ведь сам облик ваш благороден, а в прекрасной оправе должен сиять не менее прекрасный и драгоценный камень! Это я вам говорю, как потомок знаменитого алхимика. Вы, конечно, слышали об алхимиках, о людях, всю жизнь ищущих драгоценное и прекрасное? А о Малербе сам великий Буало сказал так:

Но вот пришел Малерб и показал французам,
Простой и стройный стих, во всем угодный музам,
Велел гармонии к ногам рассудка пасть
И, разместив слова, удвоил тем их власть.

Неизвестно, какое продолжение мог получить этот разговор, но тут появился Пьер.

Томас спрятался в кустах, и ревниво, с бьющимся сердцем, следил за этой парочкой. О, как это было горько, что с красавицей Палашкой гуляет другой! Как обидно! Но что же делать? Томас здесь только гость, хуже того, приживальщик. А князь со своей дворней делает что хочет. Может убить любого из своих рабов и ничего ему не будет. О! Французские крестьяне такого с собой вытворять бы не позволили. Там быстро возникла бы Жакерия⁷. Бывало ведь, что вооруженных до зубов рыцарей в их неприступных замках громили непокорные французские землепашцы.

Томас опять вспомнил ту бурную ночь, когда в спальню Жевахова с ножом пробрался крепостной художник Мухин. Пьер Жевахов лежал в то время в постели с Палашкой, и разъяренный юноша нанес ему удар в грудь ножом. Жевахова спас бывший на груди его меда-

⁷ Жакерия – от презрительного наименования французскими дворянами своих крестьян: «Жак-простак». В ходе антифеодальной борьбы крестьянам удалось ослабить личную зависимость.

льон. Удар пришелся именно в медальон, нож потом соскользнул и уперся в ключицу, сила удара была ослаблена.

Крики Палашки и Жевахова, топот разбудили тогда Девильнева. При свете луны он увидел бегущего по саду Мухина, за ним с пистолетом мчался обнаженный Жевахов, оставляя на траве следы крови, Палашка на бегу кричала срывающимся от страха и все-таки мелодичным голоском:

– Петя! Не убивай его! Ваша светлость, Петечка, свет очей моих, не надо!

Грохнул выстрел. В доме завопили, загорланили. Одновременно Томас увидел возле окон странные фигуры, на головах у них были конические колпаки с прорезями для глаз. Они молча глядели на Девильнева.

Тут появился Еремей со свечой. Кряхтя и почесываясь, он недоуменно спрашивал:

– Где? Что?

– Там, на улице! – неопределенно махнул рукой Томас.

В доме зажигалось все больше свечей. Люди выбегали в сад. Томас, накинув халат, тоже вышел из дома.

Зажгли факелы. Из глубины сада слышались крики и стоны. При свете факелов Томас увидел мужиков, вязавших раненного в ногу Леху Мухина. Палашка заламывала руки и восклицала:

– Господи прости! Прости меня, грешную!

Пьер Жевахов приказал Еремею:

– Мухина вылечить и выпороть на конюшне, потом сдашь его в полицию. Пусть в Сибири кайлом рисует!

– Все в точности исполним, ваша светлость! У вас кровь течет, ваша светлость, я сейчас же отправлю коляску за лекарем.

– Никаких лекарей! У меня есть бальзам! Я этим коновалам не доверяю! – сказал Жевахов.

С той памятной ночи прошло уже немало времени. Мухина выпороли. Заковали в кандалы и увезли. Жевахов показывал Томасу рану на груди, она кровоточила, но Пьер не обращал на это абсолютно никакого внимания. Когда Томас просил его быть осторожнее, Жевахов говорил:

– Да ну! Заживет как на собаке!

Томас стал плохо спать, и не раз, неожиданно проснувшись ночью, замечал в саду возле окон странные фигуры с белыми колпаками до плеч, они смотрели на него сквозь прорези для глаз пристально и грозно. Он стал с вечера класть под подушку пистолет. Странные фигуры какое-то время не появлялись. Он уж думал, что это была галлюцинация. Но однажды ночью опять увидел в окне этих немых соглядатаев. Он вытащил пистолет, но окно вдруг окрасилось в черный цвет, и уже невозможно было что-нибудь разглядеть.

Он рассказал о ночных видениях Жевахову, но тот отмахнулся:

– Померещилось! На ночь полстакана водки – и будешь спать как убитый. И еще есть средство. Выбери в моей дворне подходящую девку, она тебя так умоляет, что и снотворного не потребуется.

Не мог же Томас сказать другу, что самая подходящая – это Палашка. Это её глаза не дают ему спать по ночам.

Теперь Пьер прогуливался с Палашкой, а бедный Томас глядел из своего зеленого убежища и вздыхал.

Он отвернулся и пошел к дому напролом сквозь кусты, обдирая в клочья одежду. Он в тот день не вышел к ужину, сказался больным. Пьер к вечеру был пьян, потому и не обратил внимания на состояние своего друга.

А наутро пробуждение и Пьера, и Томаса было ужасно. Томас очнулся оттого, что на него навалилось нечто тяжелое. Он хотел было сунуть руку под подушку, где лежал пистолет, но ему и шевельнуться не дали. В усатом здоровяке он узнал полковника, с которым познакомился в экипаже, едуци от Варшавы до Москвы. Теперь полковник ударил его рукоятью пистолета по затылку.

Из спальни Пьера раздался разъяренный крик, он звал дворню на помощь. Здоровенные мужчины в серых камзолах выволокли его, в разорванной рубахе, которая была в крови, бежавшей из раскрывшейся раны.

– Еремей! Зови крестьян с вилами! Пусть выручают!

– Извини, батюшка, – отвечал Еремей, – что тебя волокут, то государские дела. Нам, темным, в эти дела влезать не приходится.

– Засеку! – кричал Пьер.

Между тем незнакомцы обвязали Пьера веревками так, что он ни рукой ни ногой двигаться не мог. И понесли его, словно немецкий тюфяк, и затолкали в карету, в которой даже и малого оконца не было. Через минуту в ту же карету затолкали и Девильнева.

– Иван Осипович! – сказал Томас. – Помните, мы с вами вместе ехали от самой границы и до Москвы. Почему связан князь? Зачем меня связали? В чем дело?

– Дело в шляпе! – сказал Иван Осипович. – Сиди, француз, и молчи, когда надо будет, тебя спросят, тогда и говорить будешь. Это, француз, тайна. И она велика есть. Тут тебе не Париж...

Карета тронулась, и в её полумраке Иван Осипович запел странную песню:

В тишине на Амстердамусе
Мы с тобою повстречались,
На канале возле ратуши
Темной ночью обвенчались.

Ты с арапов привезенная,
А я русский, беглый каторжник,
И душа моя спасенная
До утра от счастья плакала.

Под мосточком да под каменным
Мы с тобою свадьбу справили,
Нас с тобой лягуши славили,
И стрекозы нас забавили.

– Ты, певец! – произнес в темноте голос Жевахова. – Славная песня. Но при чем тут Амстердамус? Матросом был что ли? Если был матросом, значит, человек компанейский. Прикажи веревки ослабить, все же я – раненый человек.

– Матросом я не был, – отвечал Иван Осипович, – но всегда хотел быть им. Вот и написал песню, в ней живет моя детская мечта. Я могу песни сочинять, могу мечтать. А развязывать тебя не стану. Ты сладко пил и ел. Мягко спал. Так испробуй теперь немного и жесткой жизни.

– Ну так ты сто раз пожалеешь, подлец, что так со мной обходился! – вскричал князь. – Я сделаю так, что с тебя живого сдерут шкуру и привяжут к муравьиной куче в моем лесу. Ты будешь хрипеть и сдыхать, а я буду сидеть на полянке с юной девой и, глядя на твои муки, посасывать шампанское!

Томас услышал несколько глухих ударов, словно хозяйка выбивала палицей подушку. Князь застонал и смолк.

Томас расстроился. Что же будет с ним, с Томасом, если они своего, русского высоко-родного дворянина, светлейшего князя лупцуют без всякого сожаления? И что это происходит? Не зря, не зря были эти привидения возле окон в саду по ночам!

Часа через четыре стало слышно, что карета трясется по бревенчатому настилу, потом колеса загрохотали по булыжной мостовой. Наконец дверца кареты отворилась, велели всем выходить. Томас вышел, радуясь, что удастся размять затекшие ноги. Сейчас выйдет из кареты Жевахов, надо будет спросить его, как он себя чувствует. Но спросить не пришлось. Томас сразу же получил мощный удар сапогом в заднее место, и его галопом поволокли по двору в темный каменный проем. Он успел заметить высокую выщербленную стену, железную дверь в темной нише.

Его втокнули в тесную сырую каморку, где не было ни лежанки, ни стола. И окна не было. Только в потолке была зарешеченная дырка, размером с подсолнух. Оттуда пробивался луч, улегшийся светлым пятном на каменном полу. Томас присел так, чтобы пятно оказалось у него на лице. От всего света мира ему остался лишь это жалкий клочок. За этим он и ехал в Россию?

Через неделю его отвели на допрос. В подвальном помещении, имевшем единственное окошко, в грубом деревянном кресле за массивным столом, накрытом красной скатертью, сидел лобастый здоровяк. Перед ним была оловянная чернильница да жестяная банка с гусиными перьями. Лист раскрытой тетради был наполовину заполнен строчками. На столе еще помещались прозрачный стеклянный кувшин с водой и стакан. К столу была прислонена тяжелая дубина с костяным набалдашником.

Здоровяк уставился на Томаса своими выпуклыми глазами. Смотрел, не мигая, как змей. Потом налил из кувшина в стакан воды и выпил, сладко причмокнув, заговорил по-французски:

– Ох, и водица! Свежая, родниковая, прохладная! Дать что ли тебе попить? Поди в горле-то пересохло? Слушай, как она булькает. Если хочешь пить, то давай всё рассказывай, когда Катьку собирались освободить и кто с вами в деле еще участник?

– Я не знаю никакой Катьки! Я никого не собирался освободить. Я требую сказать, зачем меня сюда привезли? Я буду жаловаться!

– Ах, ты ругаешься? Ну, так не дам тебе воды, отправлю обратно в каземат и кормить тебя опять будут только соленой селедкой, ты ее уже неделю жрешь! И воды тебе по-прежнему не будут давать. Все равно ведь пардону запросишь, рано или поздно всё расскажешь, так зачем зря мучиться?

Бессильный что-либо сделать, Томас скрипнул зубами. Он думал о том, с каким удовольствием перегрыз бы горло этому человеку. Он представил себе, как пьет теплую его кровь. Говорят, кровь солоновата на вкус, но все же это влага. Ох, какая сладкая влага! Какое удовольствие пить её, когда всё иссохло и свербит внутри! Ему показалось, что горло его орошается теплой жидкостью. Ссохшийся желудок размокает и по жилам разливается блаженство.

Он закашлялся и прохрипел:

– Я рад бы сказать, но я же ничего не знаю! Я был гостем князя Жевахова, я был у него во дворце, потом мы немного жили в его имении. Ничего плохого я не делал. Я хотел делать в России карьеру. Вот и все! Я не имею к русской политике отношения, как и к французской тоже. Я не жулик, я честный, образованный человек. Французский дворянин. Я хотел служить и быть полезным людям, вот и все!

Его собеседник выскочил из-за стола и замахал перед носом у Томаса бумагой с французскими словами.

– Слушай! Это Катька Долгорукова из города Томска пишет Пьеру Жевахову. Слушай! – и детина постарался изобразить нежный женский голосок.

– «Шер ами!⁸ Вы и представить себе не можете, что нам довелось пережить за эти годы! Какая жестокая судьба! Откроюсь вам, что в юности я была влюблена в австрийского посланника графа Миллезимо. Он тоже любил меня, готов был увезти в Австрию, в Вену. Но брат Иван убедил меня обручиться с молодым Петром Вторым, чтобы затем стать императрицей.

Как вы знаете, мой царственный жених пожелал обручиться со мной не в Петербурге, в этом городе царя-сыноубийцы⁹, но в Москве.

Обручал нас известный поэт Феофан Прокопович, вы помните, какое мудрое напутственное слово он произнес. После венчания во всех храмах Российской империи пелась ектения¹⁰ о благочестивейшем, самодержавнейшем великом государе нашем Петре Алексеевиче всея Руси и обрученной невесте его благоверной государыне Екатерине Алексеевне. Меня славили как обрученную невесту государеву. И что же было потом?

Умер мой царственный жених. Меня объявили разрушенной невестой! Брата Ивана с женой графиней Натальей Борисовной Шереметевой с детьми её, моих сестер, других родителей, как арестантов, привезли в Тобольск. Здесь мы были отданы во власть людей грубых и невежественных.

Здесь всех нас усадили в каменный мешок. Потом нас решили разлучить и заслат в еще более глухие места. Солдаты еле могли нас оторвать друг от друга. Как вы знаете, брат был казнен. А мы очутились в Березове, где еще влачила жалкие дни первая невеста Петра Второго – Мария. В крестьянском платье ходила она на могилу отца своего, князя Меньшикова. Когда-то был он всемогущ, а теперь лежит в могиле со скромным крестом над ней. И думалось не зря на месте сем: «Так проходит мирская слава!» О! Не о славе всегда я пеклась, а о народе российском.

Один из людей подлого звания, подьячий Тишин, стал оказывать мне непристойные знаки внимания. Я его гнала от себя. А после его взяли в застенок, как бы за связь с нашей семьей, и он подписал бумагу, дескать, Долгоруковы за пьяным делом ругают Бирона и Анну Иоанновну.

Нельзя в письме сем обсказать и сотой доли мучений моих.

Много горя я узнала в Томске, где в декабре 1740 года меня поместили в монастырь. Здесь под ножницами иеромонаха Моисея мои прекрасные русые волосы упали на пол. Первое время не выпускали меня из кельи, где днем и ночью неотступно дежурил солдат, так что омовение свое я принуждена была совершать при сем свидетеле.

Потом сделали послабление: стали из кельи выпускать всякий день. Монастырское начальство решило, что я должна зарабатывать себе на пропитание. Я стала вместе с другими монашками бродить по городу со свечой и просить на монастырь. Я обычно обращалась к горожанам со следующими словами: «Подайте Христа ради на пропитание нареченной императрице Российской!» Это имело успех. И я всегда приносила в своей суме больше всех и денег, и яиц, и хлебов. Тогда кто-то сообщил в Петербург об этих моих подвигах. Из столицы пришло указание. Ко мне явился караульный обер-офицер Петр Егоров и сообщил, что ему сказано снять с меня обручальное кольцо. Я не давалась. Я сказала, что не отдам ни ему, никому другому этой святыни. Кольцо дано мне высоким женихом моим императором Петром Алексеевичем, и не вам владеть им! Он пытался снять силой. Не вышло. Кольцо не

⁸ Шер ами (*фр.*) – мое сердце, мой друг, в русском языке эти слова трансформировались в «шаромыгу».

⁹ Петр Второй Алексеевич имел в виду императора Петра Первого, способствовавшего смертному приговору в отношении своего сына, царевича Алексея. Естественно, что Петр Алексеевич не мог простить своего знаменитого деда.

¹⁰ Ектения – благодарение, или совокупность молитв, читаемых священниками от имени верующих и содержащих коллективные просьбы и обращения к богу.

снялось, как ни дергал, чуть палец мне не вывихнул, так старался, бедняга. Я ему сказала: «Руби с перстом!» Тогда он отписал в Петербург, мол, если будет приказ, отрублю кольцо с перстом и пришлю. Да пока еще такой приказ не пришел.

Я знаю, что ваш батюшка и вы с друзьями хотите спасти меня. Мне только бы переехать границу. Отсюда ближе до Китая. А там дорога может быть морем, через Формозу и Черную Арапию... Свершил же подобное бегство бывший узник здешнего мужского Алексеевского монастыря. Мне показывали келью, в коей ночевал и дневал крестник императора Петра Первого Абрам Петрович Ганнибал. Бомбардир-поручик. Он сумел с дороги сбежать, потом и поселился в городе Пернове в Эстляндии. И если вы поможете и мне сбежать, то знайте, что я в долгу не останусь. Клянусь в том Господом Богом. Передаю письмо сие с верным человеком.

Екатерина. Императрица Российская».

Здоровяк закончил читать письмо и спросил Девильнева:

– Ну, французик, будешь ли ты все рассказывать и потом пить чудесную свежую воду или же желаешь подохнуть мучительной смертью?

– Но я не только не был в заговоре, я вообще никогда не слышал о Екатерине Долгоруковой, я вскоре после приезда в Москву отбыл в имение Пьера Жевахова Ибряшкино. Там мы только пили вино и любовались природой. Занимались живописью, стихами. Я готов поклясться на Библии, что это так. И Пьер, и я учились вместе в Сорбонне, нас связывает студенческая дружба, и ничего больше.

– Катька пишет про друзей Жевахова. А ты – друг. Значит, соучастник. А это ведь твои пергаменты, где не по-латыни писано, и не по-французски, а непонятными тайными знаками? Разве же это не план заговора?

– Это писал мой предок Арно де Виланов в 1300 году. Это записи алхимических опытов и философские трактаты. Это моя память о нём и единственное мое богатство.

– Золото будешь делать?

– Может, и золото, но нужны еще годы опытов, чтобы найти верный способ. И не в этом дело. Алхимики своими опытами открыли немало новых веществ и многое узнали о свойствах металлов.

– Ладно. Ты лучше скажи, где вы с Жеваховым спрятали зловредную книжку «Московские письма»? Молчишь? На дыбе небось заговоришь! Где записка от Сеньки Нарышкина, которую ты должен передать цесаревне Елисавете?

– Помилуйте! У меня нет никакой записки. Господин Нарышкин мне ничего не передавал!

– Ты еще скажешь, что ты с ним незнаком? С этим бывшим женишком Елисаветы, который хотел сделать государственный переворот, а теперь прячется от справедливого возмездия в Париже!

– Он тоже учился в Сорбонне, как и мой друг, князь Жевахов. Понятно, что нам случилось встречаться с месье Нарышкиным на студенческих пирушках. Но там речь шла о делах амурных, кто с кем побывал в алькове. Другими мы с ним никогда не были, и даже рядом за столом не сживали. И – никаких секретов и записок!

– Сейчас тебя уведут, чтобы ты еще подумал. Я скажу, чтобы тебе давали одну лишь особенно соленую селедку. Захочешь все рассказать, скажи охранникам.

Томаса вернули в каменный мешок. Потянулись ужасные дни. Селедку он не мог есть, а кроме нее приносили лишь малый кусочек хлеба. Воду ему давать было запрещено. Правда, был один сердобольный дежурный, Калистрат Калистратович Захаров, который тайком давал Томасу напиток. Он был родом из старообрядцев и не любил ту власть, которой служил. И давая Томасу запрещенную воду, он как бы отчасти мстил немилкой его душе вла-

сти. Но караульный этот дежурил через два дня на третий. Томас чувствовал, что приближается к смерти.

Раз в неделю выводили во двор на прогулку. Некоторые арестанты были в полосатых одеждах. Томас был в ночном халате, в котором его забрали в Жеваховском доме, и в ночном колпаке, который свисал на одну сторону и придавал Томасу смешной и жалкий вид. Во время прогулки Томас нередко наклонялся, в надежде зачерпнуть ладонью хотя бы грязи из лужи, он надеялся, что во рту будет хоть какая-то влага. Часовой в таких случаях покрикивал:

– А ну стой! Чего еще удумал?

В келье Томас стал думать о странностях всего случившегося. Зачем он поехал в чужую страну? Похоже, тут и своих не щадят, и уж тем более – иностранцев.

Томас закрыл глаза – и перед ним всплыла Палашка, такая, какой он увидел её во время сеанса живописи в Ибряшкине. Она была обнажена, и груди её, с оранжевыми полукружиями сосков, вздрагивали от страха и напряжения.

В камере стемнело, но вдруг в углу её зажегся крохотный огонек. Томас изумился. В углу стоял гномик в красном колпаке и с факелом в руке. Факел горел ровно, как маленькое солнышко. Карлик заговорил хриплым тоненьким голоском:

– Я простыл по пути в Россию. Снега, снега! Но я не мог не прийти тебе на помощь. Я служил твоему деду, я служу и тебе. Я знаю, ты полюбил. И ты прав. В любви первоначальная космическая сила сливает все элементы мира! Красный цвет – востока, оттуда приходит заря. Красное – красивое. И ты прибыл на восток. Не тужи...

Томас проснулся, оттого что дверь каморки отворилась, зашел солдат, сказал:

– Айда, тебя требуют!

И его опять привели к тому же человеку, имени которого он не знал, но который снимал с него допросы. Лобастый ему приветливо улыбнулся:

– Ну вот, друг мой, теперь тебе и попить можно. Но только чуть. Сначала только оросить гортань. И не водой. Молочка вот полстакана выпей. Больше-то нельзя. Тут уже такие случаи бывали. Жрет, жрет бедолага одну соленую селедку, потом сразу напьется и умирает. Ну а мне в твоей смерти резона нет. Ты же говорил, что хотел побыть на российской службе? Вот мы тебе такую службу и дадим. Так что вот, попей молочка, но потихоньку, малыми глоточками.

Томас, дивясь происшедшей перемене в судьбе, стал пить молоко. Как жаль, что только полстакана. Но во рту и в горле всё отмякло, ему стало лучше.

– Могу я узнать, что за службу мне предлагают?

– Можешь. Будешь служить в канцелярии розыскных дел.

– Но я к этому вряд ли готов.

– Любой грамотный человек это может. А ты университетский курс прошел. Так что тебе и карты в руки. Не в учителя же тебе идти? У нас мучают школяров обычно бывшие парижские пирожники и сапожники, а ты все же кавалер старинного рода. Да в нашей службе получше узнаешь страну и народ её.

– Но я более склонен к литературным и философским опытам. Да еще алхимией желал бы заняться.

– У нас тут ты не один такой, почти каждый наш сыщик сочиняет, если не стихи, то прозу. А иные – такие философы, что и древним грекам стало бы завидно. Борьба со злом требует и ума, и сердца.

– Но что же с моим другом Пьером Жеваховым?

– Он отпущен.

– Значит, он не имел отношения к письму Долгоруковой?

– Ну это теперь тебя не должно заботить!

– Как же так?

– Очень просто. Пока вы сидели, произошло немало событий. Умерла императрица Анна Иоанновна. О! Из Петербурга приходили странные вести. В окнах дворца стали лопаться стекла. А потом императрица ночью встретила в зале самое себя. Крикнула стражу. Хотели арестовать дерзкую особу, устроившую недостойный маскарад. Но это был не маскарад, а призрак, и он растаял в воздухе.

Анна Иоанновна стала все сильнее болеть. Наследником престола она давно определила сына своей племянницы – Иоанна Шестого. Императрица умерла. Регентом при малолетнем Иоанне стал Бирон.

Он просто издевался над матерью наследника Анной Леопольдовной. По её просьбе фельдмаршал граф Миних арестовал презренного правителя Бирона. Теперь Бирон едет под конвоем в ту самую Сибирь, в кою этот супостат спровадил многих и многих весьма достойных людей.

Повернулось небесное колесо, и началась новая эпоха. Но наша служба нужна всем царям. При любой власти мы будем иметь работу. И ты в том числе. Так что соглашайся.

– Мне неловко отказываться, но я не очень силен в русском языке.

– Для начала твоих знаний достаточно. А иногда и твой французский может пригодиться. Преступления ведь свершает не только подлое мужичье. Тут приходится иметь дело и с людьми дворянского звания. В Москве в Немецкой слободке живет немало беглых гугенотов.

Кстати, теперь мы можем познакомиться. Я Федор Фомич Левшин. В сыскном приказе я глава тайной сыскных дел канцелярии. Будешь под моим началом. Вот тебе бумага, получишь в нашей конторе на втором этаже аванс. Сними себе квартиру поближе к нашей канцелярии. Подожди! Сейчас я тебе какую-нибудь одежду выдам. А то на улице уже холода, куда же ты – в шлепанцах и халате?

Томас вышел из ворот страшного учреждения, которое так неожиданно стало его служебным присутствием, размышляя о превратностях судьбы. Много в мире происходит больших и малых событий. Мы вроде бы от них не зависим, но они неведомым образом касаются всех нас, только одних они задевают легко, как дуновение зефира, а других либо возносят ввысь, либо низвергают в пропасть.

3. ТОЛЬКО УСОМ ШЕВЕЛИТ

Крепостного художника Алексея Мухина привезли в Москву и упрятали в тесную камеру, где уже находилось несколько человек.

Лицо Мухина посинело от побоев, раненая нога кровоточила. Но обитатели камеры встретили его громким смехом.

– Ишь, красавчик! Кто-то его разукрасил и синей, и красной краской! А ну-ка, Глындя, пошарь у него кошель, чего там, на донышке, заваялось?

Усатый мужчина, в сюртуке явно с чужого плеча, в полосатых штанах и в старых немецких ботфортах, сказал:

– Зря стараться станем. У него на роже написано, что крепостной. У таких кошелей не бывает. Вошь в кармане и блоха на аркане. Ты скажи, я правильно угадал? Как тебя, деревенщину, сюда занесло?

– Барина ножом ударил, – хмуро сказал Мухин.

– Гляди-ка! Убивца бог нам подарил! – невесть чему обрадовался мужчина.

– Я не убивец, я его – не до смерти, а он мне ногу прострелил.

– Эх! Я так и понял, что это деревенская квашня! – опять рассмеялся усатый. – Уж если резать, так чтобы все потроха разом выпустить, тогда барину небось стрелять расхотелось бы. Обучим! А пока пол подмети. Опосля пятки мне почешешь.

– Подмести подмету, а пятки чесать не стану! – сказал Мухин. И тотчас усатый хлопнул его ладонями по ушам. Все в камере словно только этого и ждали. Наскочили со всех сторон. Словно молотилка заработала. Мухин уже стонать перестал. Тогда усатый остановил избиение:

– Эй, будет! Для начала хорошо поучили. Деревенские люди безвредные. Ну что с него – вреда? Ну, сеял, пахал.

– Да не пахал я! – воскликнул Мухин. – Я художник с малолетства.

– Патреты можешь? – спросил усач. – Вот тебе уголек, делай с меня патрет на стене.

Мухин утер с губ кровь, высморкался и стал рисовать усатого. Старался. Надо главному угодить, тогда его в этом узилище хоть живого оставят. И когда он закончил работу, все стали просить, чтобы и их парсуны сделал бы на стенах.

Мухин принялся малевать и других. Делать все равно было нечего. Народ в камере от души веселился:

– Глянь-ка, Митька – вылитый амператор! Вот утешил так утешил!

И орали, и реготали. Тогда дверной глазок открылся. А потом лязгнуло и дверной запор. Зашли охранники:

– Смотри-ка, этот, который с деревни, стены все попортил! Вот бы выпороть дурака, чтобы больше неповадно было! Перевести его в одиночку!

И Мухин, избитый, голодный и холодный, просидел в одиночестве до самого суда. Барина Петра Георгиевича в суде Мухин не увидел. Но были там свидетели из ибряшкинской дворни во главе с управляющим Еремеем. Он то и дело отирал красную лысину огромным платком и гневно тыкал пальцем в сторону Мухина:

– Злодей! Убивец! Это вся дворня подтвердит. Барин ему столько добра сделал, в художники определил, выучил. А он барина – ножом. Июда! Вы любого дворового нашего спросите, все скажут! Чудо, что тот нож в медальон попал! Бог барина спас за его доброту. А этого злодея просим казнить лютой смертью!

Мухин пытался говорить о Палашке, хотел показать раненую барином ногу. Ему и слова вымолвить не дали. Судейский чиновник Иван Семенович Топильский сердито сказал:

– Молчал бы, разбойник. За твои дела казнить бы тебя на Лобном месте. Но мы милосердны. По доброте своей сердечной наш суд решает тебя, разбойника, заслать в вечную каторгу! Ты там сгниешь, а может, и раньше подохнешь, еще на пути в Сибирь, чего я тебе желаю!

И через день Алексей Мухин шагал среди других кандалников в сером арестантском зипуне, с нашитым на спине красным бубновым ромбом. Такой знак видно издалека, если побежишь, то караульный тебе прямо в бубновый знак всадит пулю. За Рогожской заставой караульные дали Мухину вместительный крапивный мешок и велели в больших деревнях возглашать на ходу о подаянии. Мухин шел с краю колонны и тряс мешком возле лавок и окон и тянул с поникшей головой:

– Ради Христа для несчастных кандалничков!

Молоденький, с нежными и добрыми чертами лица, Мухин вызывал жалость у деревенских старух и молодич. И давали: кто хлеба краюху, кто вареную репу, кто сальца кусок, а кто и тыковку долбленную с домашней бражкой совал в мешок. На привале часовые забирали из мешка выпивку, сало, шаньги, – всё, что повкуснее. Что-то оставалось и арестантам на пропитание.

Получилось так, что рядом с Мухиным шагал тот самый усатый арестант, который в камере хлопнул бедного художника своими тяжкими ладонями по нежным ушам. Он вполголоса говорил:

– Не кручинься, парень! Я пятый раз по Владимирской дороге в Сибирь-матушку иду, да всё никак не дойду. Оно и в Сибири люди живут, да в Москве-то оно – вольготнее! Ну, знакомы будем. Я – Мишка Глындя, а ты будешь Леха Муха. Так теперь отзывайся, я тебя не хуже попа окрестил. Вот. А зачем же ты барина-то ножом пырнул? И еще и неудачно! Барин-то жив-здоров, кофей пьет, омаров лопают, а тебя по этапу гонят, уморить в каторге хотят.

Ладно, Леха! Тосковать не смей. Ты еще с этим барином считаешься. В деревнях ты шепотком напильничек у молодух проси. Кудряшки твои золотистые. Глаза голубые, лучистые. Теперь мы – как бы воины плененные. А будет напильничек, кандалы с рук и ног, как солому, стряхнем.

И шли через многие деревни. И везде Мухин шепотком с улыбочкой доброй просил у девок и у молодух дать ему напильничек. Не давали. Боялись. Да и в любой деревенской избе – напильник нужнейшая вещь!

Глындя не унывал, хотя уже и белые мухи с неба стали лететь, и впереди были и первые морозы.

– Ты песню про Уса слыхивал ли? – спросил Мухина, тот только головой покачал. И Мишка Глындя подкрутил свой черный ус и запел:

Эй, усы, эй усы, завелись на Руси
За Москвой за рекой, за смородиновой.
Высоки колпаки, и красны сапожки,
И кричит атаман:
– Есть уродина!
Тот купчина-урод барахло продает
На майданах, собака, куражится,
Сладко ест он и пьет. Но пойдем мы в поход,
Ему небо с овчинку покажется.

Вот в купеческий дом заскочили усы,
А хозяин кричит:
– Ой, Господь нас спаси.

Я бедняк: лишь топчан да квашня еще!
И тогда атаман так усам говорил:
– Нужен лишь уголек, чтоб разжечь огонек.
Пусть с хозяйкой хозяин поджарятся,
Или пусть по сусекам пошарятся.
Вот хозяин дрожит, за кубышечкой бежит,
Вот хозяйка трясется да с деньгою несется.
Вот усы в челноке вдаль плывут по реке,
А река словно ус завивается.

– Хороша песня? – спросил Мишка Лешу Мухина. Ничего не ответил Мухин.

А через неделю, уже и напильник был у Мишки в кармане. Ночами, на привалах, пилил Глындя кандалы, хоть и тихо, да сноровисто. Свои попилит, потом – Лехины. И шепчет:

– Нам ночку потемней да часовых подурней, может, удастся убежать, а уж там: куда кривая вывезет.

Осень уже готовилась сдать все дела зиме. Однажды вечером разыгралась такая буря, с ветром и снегом, что все из сил повыбились. Конвойные решили устроить ночлег на крытом току возле леса. И дождь долбил, и снег сыпал, и шумел лес. Сыро, промозгло. Конвойные прикорнули у догорающего костра. И он погас, а разжигать его дежурный не стал, сном его разморило.

– Теперь пора! – шепнул Мишка Глындя. Поднялись они, кандалы руками придерживая, тихонько ступая, пошли в овраг.

Долго не могли отыскать хоть какой-нибудь камень. Мухин ощущал на лодыжках железную хватку огромного и безжалостного существа. Что за существо это? Здесь его железная лапа, а голова где-то в Петебурхе. Голова-то там, а лапы-то – по всей стране, людей за ноги цапают.

И вот набрели на речушку. И когда нашлись камни, Мухин с великой яростью стал бить камнем по кандальному обручу в том месте, где было пропилено. Оковы вскоре упали. Глындя свои подпиленные кандалы разбил двумя ударами. Сказал:

– Бросать свои железа не будем! Какое-никакое орудие, во-первых, а во-вторых, правило есть: свое каторжное железо сберечь. В Москву вернемся, выточим себе с него по браслету и по кольцу. А можно и по кресту выпилить, чтобы Господь помогал. Милое дело! Такие памятки у многих бывалых каторжников есть.

Прислушался Глындя:

– Сдается мне: дорога рядом. Едет кто-то. По стуку чую, что не мужик на телеге, господский экипаж, он всегда мягче идет. Вон кусты на бугорке, там залечь, так можно будет прямо на облучок прыгнуть. И прыгать будешь ты, потому что полегче меня. Ага! Так и знал – карета! Как поедет мимо, прыгай на кучера, старайся с облучка сбить, а я помогу.

– Не могу я! – прошептал Мухин.

– Ну, брат, не трусь! У нас другого пути нет. Или пожизненная каторга, или в этой карете улизнем!

– А если в карете баре сидят?

– Они дремлют сейчас. Я с ними слажу, твоя забота с кучером управиться. Сам подумай, что нам терять? Прыгай!

Кучер был сбит с облучка, но тотчас вскочил со страшными ругательствами, накинулся на Мухина и стал гнуть его через оглоблю, брызгая ему в лицо горячей слюной. Концом вожжи мужик перехватил Лехину шею и душил его, дыша ему в нос густой зубной гнилью. И Мухин уже задыхался, когда вдруг почувствовал, как тело кучера ослабло и борода его колючим венником царапнула Лехину шею. С бороды этой закапало нечто густое и красное.

– Что это? – спросил Мухин, выпутываясь из вожжей.

– Что, что! – передразнил его Глындя. – Это я мужичка каменюкой по затылку угостил, да и вовремя, не то ты уж задохнулся бы. А камень хорош! В руке хорошо лежит и увесистый!

– Убивцами стали! – сказал Мухин.

– Ну и стали. Не мы их, так они нас. Тут выбирать не из чего. Ты же своего барина резал? Резал? Из-за зазнобы. А тут – не баловство, жизнь спасаем. Кровушки испугался? Чем не краска? Густая, яркая! Бог нашему горю пособил. Экипаж пустой. А то еще неизвестно, что было бы.

Давай-ка, помогай раздевать мужика, его одежка нам пригодится. Нам в наших бубновых сюртуках далеко не уйти. Так! Ни хлеба с собой у него, ни пирогов, я уж не говорю про деньги. Правда, вот табачок-самосад в кисете.

Теперь я кучером наряжусь, а ты в карете спрячешься. Только давай сначала закинем тело в кусты. Бери его за ноги, а я за руки возьму. Раз-два, взяли! Эх, беда, Леха, что у нас тобой головы наполовину обриты. Но я-то в шапке на облучке буду сидеть, никто не узнает, что у меня под нею такое. А ты сиди в карете и без нужды из неё не выглядывай.

Повезло тебе, будешь ехать за барина. До пруда или речки доедем, я кровушку замою, тогда уж экипаж этот до самой Белокаменной погоню со свистом. Кони хорошие. Поедем не Владимирской дорогой, а окольными путями. В Москве – к атаману придем. Жеребцов перекрасят, и карету продадут. В Москве затеряемся как иголки в стоге сена. Пока волосы отрастут, парики носить будем.

Мухин молчал. Его свобода забрызгана кровью убитого кучера. Разве она должна покупаться такой ценой? Да и вообще – свобода ли это? Может, это – свобода зайца, за которым охотится рысь? Что делать дальше?

Качание в карете убаюкало. И снилась ему Палашка. Он опять писал её. Но на фанерке была только одна красная краска. И запах у неё был такой, что кружилась голова...

Темные тучи стремительно неслись над куполами церковей и кремлевскими башнями. И сеяли на лету то дождь, то снег. Ветер сбивал с ног прохожих, сваливал на бок экипажи. В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит. В такую погоду покрепче запирают ставни и зажигают перед иконами свечи.

А под каменным мостом в арочном пролете притаились люди. С моста их было не углядеть. Кучи мусора и устои моста надежно укрывали их.

Кто-то костюмом напоминал кучера, кто-то был одет почти прилично. Одни были одеты в легкие зипуны, другие имели на себе шубейки. Все эти люди не обращали ни малейшего внимания на посвист холодного ветра, на непогоду.

Был тут странный человек с длинными черными волосами, спускавшимися на щеки и на нос. Когда он встряхивал головой, волосы на миг разлетались, так, что были видны его жгучие глаза. Сверкнули дикие зрачки и вновь скроются под волосяной завесой.

– Ну, Глындя, – сказал этот человек, – ручаешься ли ты головой за нового брата? Смотри, ежели что! Пусть он платит взнос да повторяет за мной клятву.

Жесткой рукой атаман ухватил Мухина за ухо и скороговоркой произнес:

– Уха два, язык один, слухай ухом, господин! Тихарю и сиварю, никому не говорю. Не имаю сроду страху, не продамся за жермаху¹¹. Скажи – аминь!

– Аминь! – сказал Леха.

Атаману подали бутыль, он нацедил из неё стакан зеленого хлебного вина.

– Теперь ты наш! – торжественно сказал атаман, посверкивая сквозь волосы глазом. – Выпей! А ежели клятве нашей изменишь, с тобой будет то же, что с Каманей. Как раз будут

¹¹ Жермаха – гривенник, десять копеек.

с ним разборы. Каманя сремизил пять царских, когда ходил к фартовой маме¹². Все, что мы у Рогожской заставы взяли, она поставила в десять, а он мне принес только пять. Что за это полагается?

– Карачун! Лахман!¹³ – воскликнули сразу несколько человек в один голос.

– Правильно! Лахман! Каманя, будешь молиться, али так попросишься?

– То неправда! Она дала только пять! – заговорил Каманя.

– Зачем морок пущать, когда и так темно? Марью знают все честные воры в Москве.

У нее обману и в заводе нет. Мы ведь можем её сюда позвать.

Каманя отчаянно замотал головой:

– Братцы, простите, бес попутал, я... завсегда! Вы же знаете, на какие дела ходили!

Я же свой!

– Бес тебя попутал, к бесу и иди! На вот, покури трубочку, бедолага.

Каманя принялся курить, из глаз текли слезы, лицо покрылось красными пятнами. Он выдохнул вместе с дымом:

– Атаман! Прости, отслужу!

– Каманя! Ты же сам знаешь, что простить нельзя. Я прошу, братья не простят. Верно, братья?

– Верно! – взревела вся ватага.

– Ну, братья, попроситесь! Поцелуйте его. Каманя, ты не дрожи, мы тебя – быстро!

– Атаман! Дай напоследок вы-ыпить! – взвыл Каманя. Атаман подал ему стакан и бутылку. Каманя очень медленно, но один за другим опорожнил в себя четыре стакана. Этого хватило бы свалить с ног слона. Но вино его не взяло, хотя было очень крепким. Это поразило всех. Подождав немного, атаман сказал:

– Выпил? Выпил! А теперь – до свиданья, Ты, значит, там, у Бога, всё обскажи, что мы не виноваты. Скажи не от злого нрава, от мук тяжких ушли в вольную жизнь. Барегоспода нас измордовали, а мы тоже божьи твари и жить хотим. Всюду грозят нам топором да плахой. Татями зовут. Лютуют, а мы только отмахиваемся. Сами они первые начали, сами перед Богом в ответе.

Мухин потихоньку отошел в сторонку, но атаман его вернул:

– Куда? Вернись!

И стал шептать ему на ухо горячими губами:

– Сейчас его на колени поставим, а ты, вот, кистень возьми. Как он молиться станет, заходи сзади, бей по затылку, да так хорошо, чтобы он прямо к Богу летел, без перемены лошадей.

– Не смогу, – сказал Мухин, бледнея.

– Ты этого не изрекал, я этого не слышал! – сказал атаман, вкладывая пест ему в руку. – Ты ведь не хочешь вместе с ним отправиться?

Атаман пнул Каманю в зад:

– Падай на колени! Молись!

Каманя неохотно встал на колени, но не молился, а оглядывался. Заметив, что Мухин держит руки за спиной, Каманя, видно, все понял и заковылял на коленях от него подальше.

– Стой! Что же ты за мужик такой, что же ты за разбойник?! Ты трусливая мышь! Гнусь лесная! Даже умереть по-человечески не можешь! – заругался атаман. – Стой, говорю! На тебе еще стакан хлебного! Пей!

¹² Атаман говорит, что вор Каманя получил с перекупщицы краденого сто рублей, а атаману принес только половину (жарг.).

¹³ Лахман сделать – убить.

Каманя только поднес стакан к губам, как Мухин ударил его пестом. Попал не по затылку, а по подбородку. Каманя хрюкнул, упал на спину, задрыгал ногами.

– Для первого раза – сойдет! – сказал атаман, отобрав у Мухина кистень. И страшным ударом добив Каманю, ухмыльнулся:

– Вот так надо! Учись!

В это время мощный порыв ветра загудел в пролетах моста, и завывало что-то, словно заплакало.

Один из бандитов указал перстом на небо:

– Ей-богу что-то черное ввысь полетело. Не Каманина ли душа?

– Сие может случиться! – сказал атаман. – Душа у каждого есть. Она-то и скорбит, мучается, А телу теперь все равно. Одежку с него не снимайте, она ветшаная¹⁴. Забросайте сучьями да кровь присыпьте землицей, да скоро расходитесь в разные стороны. После пошлю других людишек, они его прихоронят, царствие ему небесное! Да только попадет ли он в него? Всем нам, видно, одна дорога – в ад! Ладно! Обычай наш знаете, если в ком из вас мне надобность будет, позову.

Атаман поднял воротник собачей шубейки, нахлобучил сильнее шапку. И неслышно ступая, ушел, исчез, словно и не было его никогда.

Тело несчастного Камани было заброшено хворостом. Следы крови засыпаны так искусно, что, заглянув под мост, никто не увидел бы следов только что происшедшей здесь печальной пьесы.

Мухин уходил с сего места вместе с Глындой. Спросил:

– Как зовут атамана? И почему он так волосат?

– Теперь тебе можно поведать, теперь ты – свой. Зовут его Бир. Непростой человек. Бойся ему не угодить. А волосат он оттого, что в каторге ему на щеках и на лбу выжгли раскаленным клеймом надпись «Вор». Слово сие никакими силами с лица теперь не сведешь. Вот он и напускает волос себе и на щеки и на лоб. Лютый-прелютый.

– А на что нам с ним якшаться? Жили бы сами по себе!

– Мы где жеребцов продали? В яме около Москвы. Там все его люди сидят. А попробовал бы просто так жеребцов продать, быстро бы в узилище оказался. Бир тебя и из сысканого вынет, ежели что. У Бира друг есть, приятель. Он в печатне самые настоящие «виды» делает.

Что Каманю под мостом убили, так не он первый, не он последний. За лето там уж человек десять под этим мостом угрохали, укаючили. А всего под этим мостом похоронено, может, сто воров, а может, и двести. Только это кладбище невидимое. Мы ведь крестов не ставим. Даже камня на могилки не кладем. И самих могилки нет. Одно ровное место. Но мы помним, где и кого похоронили. И – когда.

Но ты не хмурься, не думай, летом там очень для сердца отраднo! Что твой рай небесный. Ветлы свои ветви над водой склоняют, по угору шиповники и боярышники цветут. Там и добро дуванить удобно, и пить-гулять. А если погоня будет, так на реке следов не бывает. У нас летом лодки в кустах спрятаны. Крючки¹⁵ явятся, прыгай в лодку и – беги. Река никому не скажет, не выдаст. Лишнее можно утопить, концы в воду.

Пойдем-ка в ночлежный дом, переночуем, а утром во Всесвятской частной бане всё обдумаем, обговорим. Там воры собираются. Может, с кем в дело войдем!

¹⁴ Ветшаная (*устар.*) – ветхая.

¹⁵ Крючки – сыщики.

4. ВРЕМЕННЫЙ БАРИН

После ареста Пьера Жевахова Еремей остался в поместье полноправным хозяином. Он ездил в Москву, но князь Георгий Петрович дал понять, что теперь не до деревенских дел. Граф хлопочет о судьбе Пьера. Шут с ними, недоимками, порубками, неурожаями. Пусть Еремей делает всё, как сам знает.

Теперь Еремей ходил по поместью с хлыстом. Лупил им встречных и поперечных. С парика его сыпалась пудра, попадала в красные, воспаленные глаза. Но всё надоело. Все книги о путешествиях, индейцах, колдунах и магах были давно перечитаны. Он столько знает! И – что? Его не примут в хорошем доме, и уж тем паче не попасть ему в масонскую ложу, в которой, как он знает, состоят и старший и младший Жеваховы. Обидно!

Он продал на сторону зерно и заготовленные для ремонта бревна. Ему хотелось съездить к соседу Захару Петровичу Коровякову. Там, знал он, собираются со всей округи картежники. Бары-господа? Он ничем их не хуже.

Вечером Еремей велел запрячь лучших жеребцов в княжескую коляску и покатил к Коровякову, усадив на козлы самого бородатого и рослого в Ибряшкине мужика Нефедыча. Еремей был одет по моде и опрыскан лучшими французскими духами. Когда подъезжали к Шараховке, Нефедыч перетянул кнутом вороных. Жеребцы взъярились, в пене, в мыле, понесли, казалось, умчат на небо. Бубенцы и шаркунцы забренчали, колокольчик захлебывался. Пыль взлетела до солнца.

Выбежав на крыльцо, гусар Захар Петрович Коровяков следил из под руки: кого бог дает? Коровяков был в халате, из-под которого выглядывали чикчеры¹⁶, а в руке его дымилась трубка с длинным чубуком, и он расправлял кончиком чубука свои длинные черные усы. Когда из экипажа вышел Еремей, Захар Петрович не мог скрыть насмешливого недоумения:

– Еремешка? Ты? Опять насчет порубок? Эким ты франтом разodelся! Что с тобой?

Еремей сделал вид, что не заметил насмешки. Поправил нашейный бант и парик, солидно отвечивал:

– Вовсе я не насчет порубок, просто по-соседски. Поговорить, трубочку выкурить, может, в картишки перекинуться?

– Ты как в лужу глядел! – отвечал Захар Петрович. – Проходи, проходи! А! Так ты еще и корзину с бургундским прихватил? Чудно, брат, право слово, чудно! Тащи-ка, Нефедыч, эту корзину в дом! Вот это я уважаю. Это по-соседски! А то споры из каждой поломанной палки! Ягодку с куста сорвешь, кричат – уворовал! Зайчишка в петлю попадет, кричат – наш зайчишка! Нешто зайцы меченые? Они скачут где хотят! Эх, и погуляем!

Попав в дом гусара, и Нефедыч, и Еремей закашлялись. Табачный дым плавал под потолком парадной залы наподобие грозовой тучи. На большом обеденном столе в полнейшем беспорядке были расставлены тарелки со снедью. Скатерть была вся в бурых винных пятнах. Рыбные головы и индюшьи кости валялись и на столе и под столом. В центре стола лежал великовозрастный копченый поросенок с пучком голубых цветков в зубах. Приподнявшись на задних лапах, борзые собаки, рыча, вгрызались в живот поросенка. А седоусый господин от этого же поросенка зубами, по-собачьи, рвал заднюю часть, и тоже урчал.

За ломберными столиками сидели люди с картами в руках, всё здоровяки с военной выправкой, и пели самозабвенно и зычно:

Бес проклятый всё затеял,
Мысль картежну в сердце всеял,

¹⁶ Чикчеры – обтягивающие гусарские брюки.

Руки к картам простирайте,
С громким плеском восклицайте,
Дабы слышал всяк окрест:
– Рест!

Слово «Рест» эти господа кричали громовым хором, так, что стекла в окнах дрожали. И на сердце у Еремея сделалось тревожно, и даже бородатый великан Нефедыч побледнел и пошел на двор, к лошадям.

– Играть будем на деньги или на живот? – спросил Коровяков, оторвавшись от горлышка бутылки с бургундским.

– А как это, на живот? – поинтересовался Еремей, снимая с головы парик и отирая им пот с лица.

– Проще простого, мы тут удумали правила. Выиграешь, со всех нас получаешь по сотне. Это несколько тысяч будет. Состояние. Проиграешь, из трех пистолетов выбираешь один. Причем, из трех только один заряжен. Потом компанией идем в ближайший лес, и ты там себе стреляешь в живот. Если пистолет холостой – дальше живешь, если нет, – извини, игра такая. Да ты не хмурься! Мы уже раза три играли. Я дважды проигрывал, брал пистолет, выпивал пару бутылок доброго вина. Шли в лес, стрелял. И оба раза мне попались пистолеты с холостыми зарядами. Достался бы – заряженный пулей, я бы теперь с тобой не говорил. Что наша жизнь вообще? Случай! Ты, Еремей, мог бы не родиться. Родился – выиграл, а мог и проиграть. Так ведь?

– Так-то оно так, но у меня есть деньги, почему на деньги не играть?

– Ну, смотри, на деньги так на деньги. Я же тебе как лучше предлагал, как дешевле. Ни за что ни про что, и – богат! Это у меня деньги не держатся все равно, а ты – мужик прижимистый.

– Я бы просил вашу милость не называть меня мужиком, я не мужик и у меня есть имя и отчество! – сказал Еремей краснея.

– Да будет тебе, Еремей Иванович! – воскликнул гусар. – Право, порох! От каждого слова так и вспыхивает! Садись за третий ломберный стол, я сам за него сяду, а то за другими столами тебя враз обштопают, там такие разбойники сидят, не приведи господь! Скажи, что тебе подать? Кофею? Или, может, отужинаешь сперва?

– Отужинали уже, спасибо! – отвечивал Еремей. – Вот если бы трубочку выкурить!

Он не привык к обществу. Смущался. И все же ему хотелось побыть здесь равным среди равных. Они уселись за столик. Захар Петрович Коровяков с треском раскупорил новую колоду, залихватски перетасовал её. Игра началась! Еремей начал выигрывать. Это ему придало бодрости. Он изредка стал кидать взгляды по сторонам. Примечал, что мебель у Коровякова вовсе не богатая. Очень много было собак. Высоких, тонконогих, с длинными мордами. Собаки свободно вбегали в залу, опять убегали. Некоторые кобели пристраивались к ножке стола или стула, делали лужу, никто на это не обращал внимания. Игроки пили вино, кто из горлышка бутылки, кто из бокала. Один усач потребовал подать ему пиво в ночной вазе:

– Не люблю мелких сосудов! – пояснил он. – Пить, так пить так!

Странная прихоть этого гостя была тотчас исполнена.

Еремей не знал никого из гостей. Но то, что ему везет в игре, его успокаивало.

– Свобода – великая вещь! – сказал Коровяков, в очередной раз сдавая карты. – Вот вашего князя Пьера заарестовали, и вы, Еремей Иванович, сразу стали свободным. Пришли в гости, играете. Это ли не отдых для души и тела? Ваш сатрап, ваш, можно сказать, мучитель, в узилище, а вы здесь – среди благородных людей.

Еремей побагровел, даже лысина, казалось, у него начала потрескивать от жара. Он прохрипел:

– Я сам – благородный! И не зовите меня боле Еремеем Ивановичем. Дурацкое мне дали имя, хамское: Еремей Иванович Еремеев. Но отчество мое достойное. Я – Георгиевич. Я сын Георгия Петровича Жевахова. Я – княжеский сын! Жевахов! Они меня нарочно Ивановичем величают, чтобы никто не догадался, чей я сын. Я такой же благородный, как и Пьер. А может, и достойнее его во всех отношениях. Но мать моя была крестьянкой. Она родила меня от князя и во время родов умерла. Теперь вы знаете!

Еремея колотила дрожь. Он задыхался.

– Ого, как вы взволнованы! Я понимаю вас! – воскликнул гусар. – Так вы – бастард! Но дорогой Еремей Георгиевич, ваше имя можно и переделать на библейский лад. Я буду вас величать Иеремия Георгиевич! Идет? Сейчас я скажу, чтобы нам подали моего прекрасного хлебного вина. Вы хлебостнете стаканчик, это восстановит ваши душевные силы!

Поверьте, что перед вами сидит ваш друг. Я очень рад тому обстоятельству, что этого зазнайку упрятали в клоповник. Тоже мне, парижанин! Ни с кем из соседей не желает общаться. Привез какого-то французишку. А теперь их обоих взяли за шкуру. И поделом! Наверняка фальшивые деньги печатали! Или еще что-то такое творили. Вот тебе и князь! В нем и княжеского-то ничего нет, одно название.

– Вы знаете, Иеремия Георгиевич, я вам даже помог! – сообщил Коровяков. – Как? Очень просто! Ко мне приехали люди из сыскной канцелярии. Прибыли на простой телеге и в мужицких одеждах. Показали бумагу, попросили приюта на время сыска. Они ходили в мужицких одеждах вокруг вашей усадьбы. Высматривали. А по ночам надевали на лица маски и заглядывали в ваши окна. Я их кормил и поил. И в карты с ними играл, не то бы они тут с тоски сдохли. Вот! Выглядели, что хотели, потом вашего мучителя и сцапали! Ну, как? Благодарны вы мне?

Еремей закивал. Выпив домашнего хлебного вина, он почувствовал блаженство. Все хорошо. Он принят в обществе, он развлекается господской забавой. И так теперь будет всегда! Хороший друг этот гусар!

Но почему-то к Еремею пошла плохая мелкая карта. Он стал проигрывать.

– Уже темнеет! – напомнил он Коровякову. – Приказали бы свечей подать?

– Свечей в особенных канделябрах! – возгласил Захар Петрович Коровяков. Тотчас в зале возле столов стали загораться свечи. Света в зале становилось все больше. Еремей на миг оторвался от карт и остолбенел. Вокруг столов девки встали на руки и головы, вздев вверх оголенные зады, скрюченные ноги их молочно белели. И из щелей, предназначенных природой совсем для иных целей, торчали длинные свечи. И горели эти свечи ровным пламенем, освещая то потаенное, что обычно тщательно скрывают под одеждами.

От такой картины Еремею стало не по себе. Какие уж тут карты! Он то и дело оглядывался, и стал проигрывать все больше. Девки долго простоять в такой замысловатой позе не могли, потому через некоторое время заменялись по команде Коровякова:

– Подать свежих канделябров!

Еремей хватил подряд пару стаканов хлебного вина, протягивал руку то к одной свече, то к другой, пытаясь не то вытянуть свечку из заветного отверстия, не то заткнуть её еще глубже. Девки уклонялись от его рук, теряли равновесие. И тогда на их нежную белую кожу, и на розоватую кожицу щелей, капал раскаленный воск, и девки издавали дикий визг!

– Ну, довольно, Иеремия Георгиевич! – сказал наконец Захар Петрович Коровяков. – Так ты мне все канделябры перепортишь! Пора тебе домой, баюшки-баю. Да ты не противься, завтра, будь добр, приезжай снова. Приезжай вообще всегда, хоть каждый день! А сейчас, во-первых, ты пьян сильно, во-вторых, у тебя деньги кончились. Ты проиграл мне уже и дубовую рощу, а расписку написать не можешь... Но у меня полная зала свидетелей.

Да я знаю, что ты – честный человек, не откажешься. Так что пока поезжай! И знай, что у тебя есть тут верные друзья.

Еремею не очень хотелось удаляться от игры с «канделябрами», но Захар Петрович Коровяков с ним говорил дружески, приглашал заходить, это ему льстило. «Действительно, перебрал», – подумалось ему, он вышел под руку с Захаром Петровичем на крыльцо, и крикнул Нефедычу, чтобы подал лошадей. В этот самый момент в открытую дверь вырвались звуки дикого хора:

Бес проклятый всё затеял,
Мысль картежну в сердце всеял,
Руки к картам простирайте,
С громким плеском восклицаите,
Дабы слышал всяк окрест:
– Рест!

В дороге Еремею казалось, что коляска едет слишком медленно. Он вырвал у Нефедыча кнут и принялся хлестать своего кучера по чему попало:

– Как смеешь, скотина, ползти как черепаха! Поняй!

Нефедычу терпеть удары хлыста было не вмоготу, но лошадей погонять ему было теперь нечем. Он ухватился за козлы и ударял жеребцов в зад носками сапог.

– Рест! – орал Еремей. – Окрест-рест!

Раза два Еремей вываливался из коляски, набил себе огромную шишку на лбу. Все же прохладный воздух вечера произвел на него некоторое отрезвляющее воздействие, он отдал кнут Нефедычу и отряхнул от пыли сюртук.

Коляска подкатила к барскому дому. Еремей сказал Нефедычу:

– Езжай на конюшню, пусть конюх распряжет жеребчиков. А ты возьми у него хорошие тонкие вожжи. Узлы, чать, вязать умеешь?

– Как не уметь!

– Ну так поспеши!

Нефедыч вернулся, они вошли в темный дом. Еремей принес из своей комнаты канделябр. Сказал:

– У них свои канделябры, а у нас свои. И ступай потише, не как слон, а не то убежит.

– Кто?

– Канделябр.

Нефедыч подумал, что управляющий рехнулся. Но пошел на цыпочках. Пришли к комнатам, в которых Пьер Жевахов разместил Палашку с той поры, как она стала его любовницей. Она жила теперь как барыня, в её комнатах были цветы в горшках, диваны, картины, книги. Голландская раззолоченная люгня и статуя Аполлона Бельведерского украшали её жилище. В клетках резвились щеглы и канарейки. Кровать в спальне была застелена простынями и покрывалами с рисунками русских пейзажей.

Еремей рванул дверь, она оказалась заперта изнутри задвижкой. Это было особенно обидно: безродная крестьянка, а барыню из себя корчит! Еремей рванул дверь, и оторвалась дверная ручка!

– Отопри! Хуже будет!

– Ни за что не отопру, барину пожалуюсь!

– Барину? Я сам теперь барин! Нефедыч, тащи топор!

Палашка отперла дверь:

– Стыдно вам, Еремей Иванович, среди ночи так врывать. Вы же в нетрезвом состоянии.

Еремей ударил Палашку кулаком в подбородок, она рухнула на пол. Он поднял её, возложил на постель, начал в остервенении срывать с нее одежды. Приказал Нефедычу привязать её вожжами за руки и за ноги к спинкам кровати. Нефедыч это исполнил, Палашку было жалко, но Еремея злить было нельзя.

– Так! Растягивай её, как лягушку. Вот, теперь можешь уйти, без тебя управлюсь.

Палашка, напряглась, задержалась, пытаясь освободиться от пут. С жалобным звоном упала лютня, защебетали, запрыгали в клетках птицы.

– Врешь! – сказал Еремей. От меня не уйдешь. С братцем моим спала? Ну и со мной поспишь, от тебя не убудет! Ишь ты! Канделябр! Я те свечу-то вставлю! Она у меня, слава богу, не маленькая, гореть долго будет!

Он ушел от нее под утро. Развязал, заплаканную, тихую. Вожжи забрал с собой. Кто её знает, еще повесится. У баб, известно, волос долог, а ум короток.

Утром Палашка в простом сарафане и в старой душегрее пошла с корзиной в руке на окраину деревни. Там были амбары и рига. Мужики таскали мешки и складывали на телеги. Палашка отозвала одного из них в сторону:

– Фомка! Я тебе по-прежнему любя?

Фомка почесал затылок:

– Мало кому ты любя. У тебя вон художник был да сын княжеской.

– Ты хочешь мне помочь?

– Как же это?

– А вот я пойду сейчас к большому логу калину собирать. А вы, когда с обозом поедете мимо, меня захватите. Довезете до Москвы. К старому князю хочу в дом в работу проситься.

Фома глядел разочарованно:

– А я-то думал! Но как же я тебя с собой возьму? От Еремея указа такого не было! За самовольство он и на конюшне выдерет. Я ведь не один еду. Нас четверо мужиков. Топоры с собой берем, дубины. Теперь на дорогах шалят. Мужики скажут, чтобы не брал тебя, раз дозволения не было.

– Я мужикам по два ефимка дам, а тебе целых пять.

– Тогда дело другое! Жди нас у лога. Сейчас овес да муку погрузим и тронемся. Жди.

5. ЭТО – У МЕНЯ В ШТАНАХ!

Когда карета въехала в Петербург, Пьер Жевахов приказал вознице остановить её возле первой же встреченной церкви. Агенты, следовавшие за каретой Жевахова от самой Москвы, тоже остановили свою карету. И поспешили в ту же церковь. Но Жевахов как в воду канул. Долго метались между прихожан и прихожанок бедные агенты. Один был наряжен матросом, другой мещанином, третий крестьянином. Заглядывали всем мужчинам в лица. Жевахова не было.

Служба кончилась. Прихожане стали расходиться. Вышла из церкви и стройная красавица с копной русых волос, выглядывавших из-под дорогой темной шали. В руке она держала изящный зонт, дорогое платье её при ходьбе шелестело и обнажало прелестные щиколотки.

Красавица наняла извозчика, что говорило о её невысоком положении в обществе, ибо не имела собственной кареты.

Шпики следили за каретой Жевахова и не обратили на красотку ни малейшего внимания. А она назвала извозчику адрес и томно откинулась в коляске, над задним сиденьем которой по случаю дождя был раскрыт кожаный веер.

В переулке за каналом показался каменный дом, в котором жил французский посланник маркиз Жак Иохим де ла Шетарди. Сей муж давно вел тайную борьбу с засильем немцев возле российского трона, кои мрачно сеяли здесь вражду к прекрасной Франции. За ним следили. Возле дома его днем и ночью вечно бродили переодетые агенты, запоминая всех, кто входил в дом посланника, и всех, кто выходил из него. Чаще всего агенты Ушакова изображали из себя продавцов сбитня. Они таскали на ремнях пузатые медные сосуды, каждый такой сосуд имел два крана и назывался «казаком». В него был налит горячий сбитень. В центре сосуда в специальной трубе шаял древесный уголь, не давая напитку остыть¹⁷.

Агенты, видимо, неплохо зарабатывали на продаже сбитня с пряными травами и приправами, ибо погода в эту пору в Петербурге чаще всего была промозглой, холодные ветры задували от Финского залива, летели над Невой и каналами. Красивая женщина тоже попросила себе сбитня. Выпила и сказала, что у неё нет денег и она отдаст потом. Сбитенщик-агент остоленел от неожиданности. Потом заулыбался:

– Вот ежели бы поцелуй за сбитень получить, так можно было бы налить еще!

Женщина шлепнула его зонтом по заднему месту, мелодично сказав:

– Подожди, милый, может, еще и два поцелуя получишь! – и вспорхнула на крыльцо дома французского посланника.

«Наверняка, новую горничную нанял проклятый французишка! – завистливо подумал агент. – Вот жеребчик, так жеребчик! Женщин меняет ежедневно, сколько фрейлин познал, говорят, с самой принцессой Елисаветой путается».

А незнакомка смело вошла в дом и сказала мажордому:

– Доложи-ка маркизу де ла Шетарди, что прибыла Марианна! Что ты смотришь на меня как баран на новые ворота? Иди выполняй, что сказано! По одежке встречают, по уму провожают! Слышал такую русскую поговорку?

Француз-мажордом пожал плечами и неохотно пошел выполнять приказание странной незнакомки. Вдруг попадет от хозяина? Девка-то явно не того круга!

Маркиз, услышав о приезде Марианны, не рассердился, а быстро спустился по лестнице, схватил незнакомку за руку и потащил в свой кабинет.

Когда они остались одни, незнакомка задрала платье и сказала:

¹⁷ Этот сосуд – прообраз будущего русского самовара. Конструкцию его продиктовали вечные российские холода.

– Один момент, дорогой маркиз, сейчас я сниму панталоны и вы будете полностью удовлетворены!

– Ни минуты не сомневаюсь! – воскликнул маркиз, обнажая ровные белые зубы.

Прелестница приспустила панталоны и вытащила из них увесистый сверток:

– Вот маленький подарочек для нашей принцессы от кардинала Флери и Семена Нарышкина. Эти денежки еще больше поднимут престиж Елисаветы среди славных гвардейцев. Им же надо побаловать содержанок, придется. Деньги вообще никому не мешают.

– Уверяю вас, дорогой Пьер, – сказал маркиз, – дело не только в деньгах, гвардия и народ – за принцессу. Вот и Бирона в ссылку отправили, а всё едино – всем управляют немцы. Да и нынешний наследник, в нем и крови-то русской почти нет. А принцесса Елисавет все же дочь великого Петра! И как она щедра и красива! Народу это нравится. Конечно, ей теперь нужны деньги весьма. Весы ведь могут качнуться и в ту, и в другую сторону. Я и не чаял получить от вас эту посылку, ведь вы были в застенках Ушакова!

– Был! Но у них не было ни малейших улик против меня. Я увидел слежку за собой сразу как возвратился из Франции. И я отводил им глаза: пьянствовал, дебоширил. Потом уехал в имение. Они меня взяли без каких-либо улик.

– Милый Пьер! Вы же не хуже меня знаете, что этим костоломам даже и улики не нужны. Под пытками люди наговаривают на себя.

– Клянусь, что выдержал бы любые пытки, но очень вовремя умерла Анна Иоанновна. Новые правители пока себя не чувствуют на твердой почве. Вот меня и выпустили. Но я не сомневался, что за мной следят. Трюк с переодеванием в церкви совершенно сбил филеров с толка. Как хорошо, что там служит мой бывший крепостной!

– Но где же вы прятали такую сумму денег, когда были под допросами? Говорят, были строгие обыски и в вашем дворце, и в имении.

– При обысках ничего не нашли. А где я прятал письма и деньги, этого я даже вам, маркиз, ни за что не скажу. А теперь дайте мне грим и костюм старухи. Я переоденусь и оставлю вас. Скоро прибудет с деньгами новый посланец из Парижа с такой же суммой, или большей. Эти деньги на одной из почтовых станций попадут к моему человеку. А я после явлюсь к вам в облике нищего. Вы уж не велите меня гнать. У меня будет большой чирей на правой щеке...

Через несколько минут из дворца Шетарди вышла безобразная старуха, она несла корзину с выстиранным бельем. И агент Ушакова подумал, что посланник мог бы себе нанять прачку помоложе и покрасивее. Агент ждал до конца смены: когда же выйдет из дома посланника красивая куртизанка, обещавшая поцелуй за стакан сбитня, но её он так и не дождался.

Ворота распахнулись, и маркиз Жак Иохим де ла Шетарди выехал из них в раззолоченной карете, которую тянули кони, запряженные цугом. Это были изумительной красоты лошади. Кучера на передке были в белых перчатках, а сзади стояли мальчишки точно так же одетые, и тоже – в перчатках.

«За Смольною деревню попер, к принцессе! – отметил про себя агент. – Ну, там другие глаза за этим французским прохвостом доглядят. И что это начальство на агентов гневается? Ведь дело знают, кажись?»

Елисавета в это самое время томилась, глядя в окно. Рядом с ней был верный друг Жанно. Несмотря на свой уже далеко не юный возраст, Жанно был горазд на всяческие забавы. С юношеским пылом готов был участвовать в разных проказах. Он всегда хорошо знал, чего хочет Елисавета, изучил её всю до последнего мизинчика. Да и немудрено. Герман Лесток прибыл в Россию много лет назад и был личным врачом Екатерины Первой. На его глазах малютка Елисавет росла и расцветала.

Правда, одно время Петр Великий приревновал лекаря к своей царственной супруге Екатерине и сослал Германа в Казань. Но после смерти мужа Екатерина Первая вернула

Германа ко двору и сделала его лекарем своих дочерей. О! Жанно не уподоблялся лекарям императрицы Анны Иоанновны, которая, бывало, позволяла себя ощупывать лишь через специальное покрывало. Лесток обычно говорил Елисавете:

– Я вам почти отец, к тому же я врач, вы можете меня не стесняться совершенно, это поможет вашему телесному и душевному здоровью.

А принцессе скрывать от мужских глаз свое тело не было нужды. Она знала, что тело её прекрасно. И Жанно не раз причмокивал от восхищения во время врачебных осмотров.

Елисавета завораживала всех своей красотой. В детские годы она была ангелочком, амурчиком. По-французски она говорила с раннего детства. Так что поболтать с французом для неё всегда было истинным удовольствием. И о первой же своей отроческой любви она советовалась со своим преданным Жанно Лестоком. А потом и по всем другим любовным связям. И Жанно давал медицинские советы: как и что сделать, чтобы не повредить любовью своему здоровью. И как сделать так, чтобы достичь в постели наивысшего блаженства. Нет, он не варил любовных эликсиров, он знал, что в организме каждого человека достаточно волшебных токов любви, нужно только уметь их использовать.

Любовников у принцессы перебивало уже немалое количество. И много раз её сватали. Но свадьба с французским дофином была расстроена по тайным причинам. Другой её высокородный жених умер перед самой свадьбой, что очень ранило её чувствительную душу. Многих она отвергла. Совсем недавно её попытались сплавить в Персию, только бы подальше от русского престола. Надир-шах прислал богатые подарки, много драгоценных камней. Елисавета не хотела даже слушать о подобном замужестве. Друг Жанно не уставал повторять ей:

– Зачем вам зарывать свою красоту в дикой азиатской стране, где никто вашей красоты и образованности не оценит? Вы говорите по-французски лучше любой парижанки, вы – тонкий знаток французской литературы и театра. Кому в дикой Персии нужны ваше остроумие, знание политеса, умение одеваться, ваши великолепные манеры? К тому же, российская корона – это корона величайшей страны мира, повелительницей которой вы должны стать по праву. Вы боитесь, что вас заточат в монастырь либо вообще уничтожат? Правильно боитесь. Чтобы этого не произошло, вам нужно действовать первой, а мы вам поможем.

Теперь, заметив карету Шетарди, Жанно сказал:

– Наверняка он везет еще один кирпичик для здания нашей победы!

6. НОЧЬЮ В ОДИНОКОЙ КЕЛЬЕ

К стенам Ивановского женского монастыря примыкают сады и строения господских и купеческих усадеб. Все возле стен заросло деревьями, кустарниками, цветами. Летом из зеленой травы проглядывают камни с именами великих страстотерпцев, схимников и послушников. Деревянные и каменные кресты стерегут их покой. Нагрется камень от летнего солнышка, приложит к нему монахиня худую ладошку, почувствует ток чего-то неведомого. Вздохнет, перекрестится, пойдет дальше.

Летом в здешних кущах отраднo душе! Над полянами деловито гудят шмели, по тропинкам катят свои огромные шары жуки-скарабеи. Говорят, что земля имеет форму шара. Доказано в немцах. Может, оно и так. Для жука его земля – навозный шар. Может, и нашу матушку-землю катит по небу неведомый жук? Но это одному господу богу известно.

За монастырскими стенами великое множество больших и малых строений. Тут амбары с зерном, каретники с лошадьми, сараи с разной хозяйственной животиной, сеновалы, кладовые. Есть шорные, кузнечные и прочие мастерские.

Глубокие подвалы с кривыми темными ходами хранят тайны, навек укрытые от непосвященных. Между службами и келейными корпусами, между храмами и часовнями множество лесенок, переходов, запутанных коридоров.

По одному из коридоров быстро шла ясноокая монахиня Досифея. Сподобил Господь! Чудесной ясности глаза, голубые лучики-колечики мерцают как круги, расходящиеся в прохладном колодце. Какая совершенная чистота, незамутненность взора, какая голубиная невинность. Идет и смотрит сквозь мир куда-то далеко-далеко. И никакие молитвы, никакие посты не смогли замутировать красоты необычайной этой черницы. Лицо молочной чистоты дышит здоровьем и свежестью, ни прыщика, ни морщинки на нем. Не может монастырская мешковатая одежда скрыть стройный стан монашки. Что же заставило красоту такую укрыться за здешними стенами?

Монахинь здесь зело много. Но известно, что Досифея не пропускает молитв и служб. Молится истово и страстно. Идет Досифея с загадочной улыбкой на медовых устах. И встречные монахини думают, что душа её где-то далеко летит на встречу с ангелами небесными. О, как были бы поражены они, если бы узнали подлинные мысли её! А она думала о том, что скоро станет... отцом. Странно? Может быть. Но жизнь так устроена, что все странное и необыкновенное, если его изучить и вздуматься в него, станет и обычным, и понятным.

Пять лет назад Досифея была Федькой Вербовым. Да для себя-то таковым и теперь осталась. Федька был казачком при отставном полковнике Самофорте в его собственном, Самофорта, поместье. Отчаянно пил вино Семен Иванович Самофорт. И бил двенадцатилетнего Федьку смертным боем. То сапоги плохо вычистил, то трубку не так набил. Напившись хлебного самодельного вина, Семен Иванович сваливался в постель, кричал казачку, чтобы прилег и погрел ему спину своим телом. И Федька влезал в постель и приваливался к жирной барской спине своей худенькой спинкой, где можно было пересчитать все позвоночные косточки.

И барин иногда разворачивался в постели и считал эти его косточки, больно надавливал их пальцами. А однажды спустился пальцами ниже копчика и, сопя, надвинулся на Федьку, пронзив его утробной болью. Боль эта хрипела и подвывала, надвигалась и откатывалась, терзая и мучая худенькое тельце.

Федька не имел силы вырываться. Но была в нем не телесная, а другая сила. Она велела не вырываться, не плакать. Мольбы только больше раззадорили бы барина, доставили бы ему больше удовольствия, а Федьку заставили бы дольше страдать. Федька вытерпел всё. И боль отступила. Барин оттолкнул его, сказав:

– Дурак ты, Федька, я стараюсь, а ты, дрянь, бесчувственная, хоть бы шевельнулся ответно! Ладно! После обучишься, войдешь во вкус, тогда уж наверстаем.

– Ваша правда, Семен Иванович, – отвечал ему Федька. – Я потом постараюсь как смогу, но не сразу же...

Когда Семен Иванович уснул, Федька плотно запер замком его спальню. Неслышной тенью скользнул он в девичью, украл рубаху, сарафан. На кухне он запасся калачами. Взял свечей, веретенного масла, дегтя, пакли. И все, что могло хорошо гореть, разлил и разложил у дверей спальни и подо всеми дверями дома. И двери подпер кольями. Разбросал всюду подожженную паклю. И кинулся бежать.

Тайными тропами пробирался Федька к Москве. Оборвался, перемазался в грязи и саже. Просил Христа ради, в попутных деревнях. Так и до Москвы добрался, и до Ивановского женского монастыря. Почему решил в женском монастыре укрыться? А очень просто. Сгорел барин с усадьбой и со всей дворней. Преступление важное! Но ищут-то отрока, а тут пришла отроковица. Пусть ищейки-крючки по мужским монастырям порыскают!

Игуменье пришедшая отроковица понравилась: чудо как красива, взор кроток, глаз поднять не смеет, всё всегда готова исполнять. Являвшихся в монастырь особо-то не расспрашивали, что сами расскажут, то и ладно. Готовы требования устава исполнять, и – ладно. А там – видно будет. И отроковицу Феклу (так назвался Федька) нарекли Досифеей.

Игуменья приставила Досифею к своей заместительнице, к монахини Евпраксии. Она была старожилкой монастыря, пережила несколько игумений. Великого ума и великих познаний женщина. Знала Библию и весь греческий устав, читала и по латыни. И себя блюла, тысячи поклонов била, и обливалась зимой и летом колодезной водой до пояса, и растиралась платками белыми. На полях и огородах работала как одержимая. Посты все, до единого, твердо стояла. И старость её не брала. Сколько жила, ни морщин на челе не добавилось, ни огрузла, ни одрябла. Только лицо с годами слегка потемнело, словно загаром вечным покрылось.

Лишь одна слабость была когда-то у Евпраксии. Сердце её, бывало, тянулось к юным миловидным монахиням. А и грехом её увлечение назвать было нельзя. Если наставляя молодую сестру во Христе, приобнимет её за талию, что ж с того? Если похристосуетя с сестрой более крепко, чем другие монахини, так, может, это без умысла, а просто по горячности характера своего? Точно никто не помнит, но теперь Евпраксии около семидесяти, а может, и все восемьдесят. Это возраст уже трезвый и чистый, это годы, когда все мирское уходит с горизонта и взор человека сам собой устремляется к вечности. Вот почему игуменья направила Досифею в помощь своей почтенной товарке.

Досифея, конечно, сразу поняла, что Евпраксия любитя ею. Не жалко, не убудет. Пусть и за талию подержит, рукой своей старой, но твердой, пусть по волосам, словно нечаянно, проведет, что с того? Евпраксия стара, но не отвратительна, пропиталась ладаном, запахом древа кипариса, свежестью воды колодезной, травяными, медовыми настоями. Одежда черна, а белье под ней тонкое, чистое. Это всё Досифея успела заметить.

А когда однажды в келье своей Евпраксия не удержалась и прижала к себе Досифею слишком крепко, глядя в глубину её родниковых глаз, у той неожиданно взбуррилось спереди нечто. И Евпраксия, хоть и была в свои года девственницей, сразу же поняла, что это такое.

– Так ты не Досифея?! – прошептала старуха. – Ты... ты...

– Какая разница! – оборвал её Федька. – Ты прижала меня к своему месту, значит, хотела чего-то. Чего-то того-то! И оно у меня есть! А раз тебе охота и мне охота, значит, сам бог велел.

– Не кощунствуй! – сказала тяжело дышащая Евпраксия. – Ты найдешь тут сколько угодно молодых. Я-то ведь даже не среднего возраста.

Федька вспоминал все свои мучения, унижение в постели барина, всю свою жизнь непутевую.

– Брось ломаться! – сказал он старухе. – Молодых еще надо искать. Я к ней, молодой, полезу, а она вдруг да заорет! А ты – вот она, и я чую, как тебе хочется, аж дрожишь, даром что старая. Накопилось в тебе, натерпелось, а теперь вырвется.

Он толкнул Евпраксию на постель и закрыл дверную задвижку. И была ночь полная всхлипов, криков восторга и ужаса. Евпраксия была застарелой девушкой, и Федьке удалось лишить её сей невинности не без труда. И он еще и еще удивился её способности к юношеским восторгам, горячности, крикам и слезам. И еще она боялась Бога. И Федька боялся. Но он шептал тогда Богу: «Ни один волос не упадет без воли твоей, значит, ты этого пожелал. И это не так подло, как то, что сделал со мной барин. Я её утешил, я это чувствую. Она плачет от радости, разве же это плохо?»

Прошло с той поры четыре месяца. И вот теперь шел и думал о том, что Евпраксия понесла от него. Это она ему сама только что сообщила. Ребенок. Конечно, она скажется больной. Не будет выходить из кельи, он сам примет младенца, когда придет срок. Но ребенка в монастыре держать нельзя. И он не простой. Его родит старая дева! Это чудо. Это тайное знамение. И он решит, что с ребенком делать. Еще девять месяцев, но надо все обдумать, надо ко всему подготовиться.

Надо, чтобы были еще люди. Здесь много таких, как он. Эти монахини, которые идут навстречу и с любопытством заглядывают в его лицо, они же чувствуют его превосходство? Без сомнения, это – так. Он может влиять. Он слышал от одного немца о том, что не все здешние обряды угодны Богу. Попы переврали, люди обмануты. Вот отчего столько мук на Руси.

Вот он идет в образе Досифеи, и встречные тонут в его лучистых глазах. И он видит: они ждут от него чего-то. Им тоже не хочется жить так, как они живут. Но кто же их жизнь сможет изменить? Он это сделает. Они ждут истины, которая их освободит, он её добудет.

Есть тут шорники из немцев, есть и кузнецы из Литвы и Польши. Они объяснят, обскажут. Надо будет все разузнать, как там у этих аглицких квакерий бывает. Английский королевский человек. У забора есть лаз. Заросла яма шиповником, чертополохом, ягодой кислицей, пролезть там трудно, но можно. Он пролезет. Пойдет к иностранцу в дом. А уж если англичан ползет к нему под юбку, то получит неожиданный афронт! Посмеемся вместе. Истинная вера нужна, настоящая! Вера в то, что нельзя мучить людей, но нужно давать им радость. Воскресения Христа не нужно долго ждать, он рождается именно здесь, именно сейчас, сейчас и здесь!

7. МЕРТВЫЕ ВОЗНИЦЫ

Томас навсегда запомнил лекцию, которую прочел ему Федор Фомич в этот день заступления в должность. Левшин держит в руках агентуру. Агенты есть в кабаках и банях, в постоянных дворах и ямах, есть агенты среди извозчиков, есть агенты и среди арестантов. Есть нарочитые агенты. Их нарочно подсаживают в узилища, нарисовав им краской синяки и ссадины. Они знают воровской язык.

Левшин взял Томаса под руку и повел из канцелярии через двор к арестантскому помещению. И они пришли именно в тот каменный мешок, где Девильнев не так-то давно принял многие муки. Дверь узилища отпер тот самый Калистрат Калистратович Захаров, старообрядец, спасший Девильневу от смерти, теми глоточками воды, которыми ссужал его тайком.

– Здесь мы держим знатных людей, это хорошее помещение! – пояснил Федор Фомич. – Но у нас есть и китайский кабинет. Каменный мешок, где человек помещается только стоя, а на голову ему день и ночь каплет из дырки ледяная вода. Там люди сходят с ума или просто сдыхают.

Затем они прошли в общую камору, где на полу, на постилке из грязной соломы, лежало человек тридцать арестантов. Одни из них были в ручных кандалах, другие – в деревянных колодках, третьи были без оков. Все они были грязны и страшно чесались.

– Не приближайся к ним слишком близко! – сказал Федор Фомич. – Не то наберешься хорошо откормленных бекасов!¹⁸ А ну, встать, рвань непотребная! Постройтесь в ряд!

Арестанты неохотно поднялись, стали как попало, никто и не подумал выстраиваться в ряд. Всем своим видом они выражали полное безразличие к пришедшим. Кто стоя дремал, кто доругивался с приятелем на своем воровском языке. Левшин выравнивал строй при помощи пинков и ударов своей массивной трости и сказал:

– Они большие затейники. С этапов бегут. Нужно хорошо запоминать их лица. У кого-то нос выдается, у кого-то уши. Голова у одного может быть тыковкой, а у другого может быть и арбузом. Так что, запоминай. Слушай как говорят, заучивай их язык.

Вышли из душного помещения на двор, Левшин продолжал пояснения:

– У тебя будет подьячий. Он будет на каждого арестанта писать формуляр. Новых арестантов надо сличать с формулярами, а если его в бумагах нет, тотчас заносить в бумаги. Скоро ты узнаешь их воровские притоны, где они сдают для продажи краденое, пьют вино и любят своих грязных красоток. Узнаешь их секретные дома, узнаешь о воровских титулах и должностях. У них ведь есть свой высший свет, есть свои короли и свои придворные. И свои трубочисты и лекари. Есть которые только грабят на мосту, а другие грабят только под мостом. Одни при помощи сверл и крючков отпирают запертую хозяевами на ночь дверь. А хозяева спокойно спят и просыпаются в дочиста обобранной квартире. Другие могут днем или ночью проникнуть в дом через форточку. Есть похитители лошадей и потрошители карманов. Много всяких. Игроки в карты и зернь. Всё и за год не пересказать. Дело наше, можно сказать, военное. Надо и саблей владеть и пистолетом, да и просто дубиной махать и то придется учиться. Смотри, твой кабинет, здесь будешь вершить допросные дела...

В новой службе при немалой молодой отваге своей, изрядной сметке и привычной добросовестности Девильнев стал делать успехи. Начальство посылало его на самые трудные дела.

Осенью 1741 года всё чаще стали находить в московских улицах и переулках возки, телеги и экипажи с удушенными седоками. Лошадей же при экипажах не было, их уводили

¹⁸ Наберешься бекасов – тюремщики иронически называют бекасами вшей и блох.

вместе с упряжью. В своем кабинете, где на стене висел писанный маслом портрет главнокомандующего Москвы его сиятельства графа Салтыкова, Федор Фомич Левшин сказал Девильневу:

– Надо найти разбойников во что бы то ни стало. Больше всего экипажей с мертвяками случается на окраине, где горелые дома. После Великого московского пожара окраины еще не застроились. Там мазурики и прячутся, да там их и черт не найдет, Ванька и тот ничего путного про эти горельники не знает. А может, лукавит. Так что ты, Томас Томасович, расстрайся, слухи о страстях наших уже и до Петербурга дошли. – При последних словах Левшин взглянул на портрет главнокомандующего, и Томасу показалось, что Салтыков недовольно нахмурил брови.

Днем Томас ездил к тем горелым домам на окраине. Тянутся они на многие версты. Так, видимо, должен выглядеть Аид, царство мертвых. Все черно, глухо, обуглившись стропила, полусгоревшие дома и полностью сгоревшие, когда торчат одни лишь печные трубы. И тянутся эти руины далеко-далеко. Там и сям кружатся вороны над обгорелыми развалинами. Кто-то вспугнул птиц?

И то ли говор в глубине этого гигантского пепелища слышен, то ли это ветер, пролетая сквозь пустые печи и трубы, гремит выюшками и разговаривает? Бесконечно глухо, уныло и страшно. Ни один честный человек не рискнет углубиться в эти мертвые закоулки. И люди, вынужденные проезжать сей черный некрополь, видимо, невольно побыстрее погоняют лошадей. Каково-то здесь ездуку в вечерней темноте или в предрассветных сумерках?

Томас вспомнил охоту на уток и вальдшнепов. Подсадные чучела. Сделать чучело! Одеться в крестьянскую одежду – да через горельники. Ехать в возке, запряженном хорошими, завидными лошадьми, там, где чаще всего бывают нападения. Они позавидуют, наскочат, а тут ему пистолет – в зубы. Вот и получится: искал дед маму, да сам попал в яму!

Девильнев решил позвать Калистрата Калистратовича. Охранника, старообрядца. Медвежьей силы мужчина. Вот кого с собой взять! Да еще пару таких богатырей найти.

Девильнева окликнул писарь:

– Вашему благородию новое сообщение поступило. Снова удавленника с экипажем нашли.

– Где?

– У горельников, в закоулке.

– Едем!

Когда подъехали к месту происшествия, там был лишь будочник, испуганный и хмельной. Карета Девильневу показалась знакомой. На облучке полулежал мертвый дворецкий Жеваховых. По шее его шел синевато-красный рубец от веревки, кончик языка был высунут.

– Никто тут ничего не трогал? – строго спросил Девильнев будочника.

– Никак нет! – отвечал тот, испуганно тараща глаза. – Только веревка валялась, значит, возле колеса, обрывочек небольшой, так я подобрал, в хозяйстве сгодится!

Девильнев обругал его самым крепким русским ругательством и потребовал отдать веревку. Будочник пожал плечами, отдал барину веревку, сказав с некоторой обидой:

– Было бы доброе что? А то обрывок, козу к колышку привязать – и то не хватит.

Мертвый дворецкий князей Жеваховых продолжал показывать язык, словно дразнился. Томас вздохнул и накрыл лицо оставшегося без души бедолаги дворецкого своим клетчатый платком... Куда гнал порожнюю карету дворецкий? Неудобно идти к Жеваховым, расспрашивать. Они и не знают, в какой конторе он теперь служит. Но надо было во что бы то ни стало распутать это дело.

Поздно вечером мимо горельников двигалась тяжелая немецкая фура с сеном, в неё были впряжены два ухоженных жеребца. На облучке, сгорбившись, сидел Девильнев. Он был одет в крестьянское женское платье и под зипуном прятал заряженный пистолет. Глупо

и смешно быть в женском наряде, но что же оставалось делать? Эта фура с сеном в позднее время проезжала здесь уже не в первый раз. Два прошлых раза её никто не тронул. Разбойники увидят женщину и подумают: «Вот легкая добыча». Таков был расчет. А может, и в этот раз зря потратят время.

Ветер выл и свистел в пустых печных трубах на разные голоса. Черное небо низко надвинулось на мир и сеяло противную морось. Стук копыт в ночной тишине отдавался в сердце Томаса как гром. Внезапно жеребцы заржали и замедлили движение. Белые саваны замелькали, закружились вокруг фуры. Они с тихим воем вцепились в оглобли, мелькнули в полумраке клинки, перерубившие гужи и супонь. Лошади ошалело заметались.

Девильнев хотел выстрелить, но и шевельнуться не успел. Его шею обвила петля. Перехватило дыхание, мир затуманился и стал исчезать. Последним приветом мелькнули виды далекого Лез-Авиньона, и все покрылось сплошным мороком. «Так вот как это бывает!» – мелькнула мысль и погасла. Томасу стало все равно. Но тотчас из сена грянуло три выстрела, отчего три белых приведения окрасились красными пятнами. А другие бросились бежать.

Рассыпая по земле сено, спрыгнули с фуры прятавшиеся до поры в сене охранник Калистрат Калистратович и трое дюжих солдат.

– Держи татей! – крикнул Калистратович, перерезая душившую Томаса петлю. Томас вздохнул и открыл глаза, думая о том, что, видно, душа его улетела не слишком далеко, раз так быстро возвратилась в тело. Воры, убегая, скинули свои белые балахоны, и теперь уж их было не разглядеть на фоне обгорелых домов. Все же Калистратович сумел захватить одного. Вор был ранен в плечо, и все же отчаянно сопротивлялся, утробно рыча, как зверь.

Наутро Калистратович отпер Девильневу ту самую камору, в которой когда-то Томасу довелось посидеть в качестве арестанта. Теперь здесь сидел один из вчерашних воров. Был он длинноволос, угрюм. У этого человека сквозь волосы на щеках и на лбу проглядывали клейма «Вор». Видно было, что это отпетый каторжник. Плечо его было перевязано окровавленным полотенцем.

– Куда лошадей продаете? – спросил его Девильнев. – Буланых барских жеребцов в последний раз увели, где они?

Волосатый глянул насмешливо и сказал:

– Мурза Мецуок, серый конь между ног, если брови хмурит, задом трубку курит!

– Понятно! – сказал Девильнев. – Посиди, подумай, может, еще чего придумаешь. – И закрыл железную дверь.

А из-за двери было слышно, как вор поет:

Из кремля, кремля крепка города,
Тут ведут вора, татя грешного,
Там, где плаха на красной площади,
Отсекут ему буйну голову.
Вор шагает, не оступается,
И в усы себе улыбается,
А за ним идут и отец и мать,
Молода жена, малы детушки.
Они плачут, как река течет,
Покорись, покорись царю-батюшке,
Он оставит на плечах твою головушку.
А злодей идет, улыбается,
Он над плахою наклоняется,
И кладет свою буйну голову!

– Оторвать тебе голову не помешало бы! – крикнул ему в сердцах в дверной глазок Томас. Все равно всё раскроется.

Ночью в своей каморке Томас прихлебывал из кофейника густой отвар Мандрагоры. Сердце билось мощнее, чаще. И глядел Томас вглубь себя и, одновременно, куда-то вдаль. Томас крутил в руках кусок веревки, которой был удушен бедный дворецкий. Вербка превратилась в змею и поползла по московским улицам, за ней едва поспевал внутренний взор Девильнева. В центре горельников, в глуши был пруд, а возле пруда был небольшой каменный дом. Он не весь выгорел, и в нем жили люди. И там был другой конец этой веревки.

На другой день Девильнев, солдаты и унтеры верхами въехали в горелые кварталы. Томас скакал впереди и указывал дорогу, хотя был здесь впервые.

И они увидели каменный дом с полуподвалом, верхняя его часть белела свежим тесом. Ограда была каменная и пахла известкой. С цепи рвались сторожевые псы.

– Чего господам надо? – спросил детина в болотных сапогах.

– Хотим знать твое звание да чем ты промышляешь? И сколько вас в доме? – сказал Девильнев.

– В доме нас трое, все мы Иваны, родства не помнящие. Горелые дома разбираем на дрова, тем и живем.

Обитателям дома скрутили руки. Старший из обитателей этого дома, угрюмый бородач, говорил:

– Ни за что берете! Это Бир приказывал людей на дороге давить. Мы только приказ выполняли. Да попробовали бы не выполнить, он бы нас зарезал. А так, мы дровами торгуем! Мы смиренные! Вы Бира покрепче держите, страшный человек!

– Хватит и вам, и Биру! – пообещал Девильнев.

А в приказе Томаса ждал сюрприз. Бир сбежал из камеры. Там остались распиленные ручные и ножные кандалы, обломок пилки, которую, видимо, передали в калаче. По каменному полу были рассыпаны хлебные крошки, и еще лежала на полу смятая записка: «Мантелка зарела, лапуть дюр-дюр, тытырка мара клап-чибирик».

Накануне какая-то старушка передала для Бира два калача. Добрый Калистратович не разломал калачи, как следовало бы, на мелкие кусочки.

После этого Левшин приказал выпороть Калистратовича и уволить из службы, сказав:

– Вот тебе и мантелка зарела!

8. Я САМ – ЕВАНГЕЛЬ!

Евфимия молилась истово, исполняла все монастырские уроки, отгоняла от себя мирские мысли. Но утром из туманов выплывала улыбка Леши Мухина, первые встречи у пруда, первые этюды в мастерской, когда она увидела себя отраженной глазами художника, еще в одежде. А потом был тот бесстыдный портрет, созданный по приказу молодого князя. По приказу её Петички. Жестокий. Он уж и забыл её давно, наверно! Забыл, забыл! Кто она такая, чтобы помнил её князь?

Да ведь он где-то в заточении. Оказывается, и князей мучают. И Алексей где-то в каторге, и его ей не увидеть никогда. Вот горькая судьба! А она как вспомнит свой голый портрет, так и захолонет вся! Там в поместье, может, сейчас проклятый Еремей перед её голым портретом стоит, каждую родинку, каждую ямочку рассматривает! Она словно на себе почувствовала этот взгляд, и по телу шли пятна, как от ожогов крапивы.

Тихо шла монастырская жизнь Евфимии, но молодость давала о себе знать. Что-то у левого соска тянуло, ныло по утрам, когда соловьи бесстыдно засвистывали в монастырском саду. И яркие цветы на поляне манили сплести венки, да прилично ли то монахини-отшельнице? И звуки города за стеной тоже будили воспоминания. То колеса кареты простучат по мостовой, то пропоет немецкая труба. Завелись уж и подружки в монастыре. Акилина-белокурая, с ямочками на щеках, не по-монашески сдобная, иногда и шепнет на ушко, что, мол, без толку молиться, только зря лоб разбивать.

– А как с толком молиться? Научи!

– Есть правильная вера, есть и наука, если хочешь, свожу тебя к этой правильной молитве. Только Богом клянись, что никому не скажешь.

– Если запретно, зачем идти? От Бога ли это?

– От бога, от бога, от самого правильного бога! Да ведь и Христос тайны имел, и ученики его!

И вот уж Евфимии любопытно. Что-то есть. И эта белокурая, улыбчивая не по-монашески Акилина это знает. А почему ей, Евфимии, этого не знать? Акилина говорит, что это хорошо. Может, не так скучно жить в монастыре станет.

Иван Купала, летнее солнцестояние. Черемухи и сирени отцвели, аж голова кружилась. И тревожно было на душе. Ближе к двенадцати часам ночи позвала Евфимию из кельи Акилина. И скрипучими лесенками, переходами пошли они бесшумно с Акилиной. Петляли, петляли по коридорам, спустились в темный подвал. Там Акилина стукнула по стене костяшками пальцев, особливой дробью. Стена обнажила узкую щель, это камень в ней повернулся. Протиснулись в щель, камень повернулся, и – сплошная стена за ними, даже страшно стало Палашке-Евфимии. Еще долго шли они подземными коридорами, поворачивали незнамо куда, спускались ниже, поднимались выше. Впереди забрезжил свет.

И увидела впереди Евфимия большую залу с закопченным потолком и каменным полом. И было там много людей, они сидели на каменных лавках. Среди них Евфимия заметила и многих мужчин. Это её смутило.

Монастырь еще при первом знакомстве поразил её своей обширностью. Каменные подвалы, древние подземные переходы, много закутков, келий, ниш в стенах. К древним монастырским стенам выходили каретники и сараи дворцовых усадеб. В монастыре служили дворниками и истопниками дворцовые крестьяне. Днем на монастырском дворе работали и косари, и кузнецы, и пильщики дров, и каменщики, и плотники. Но с заходом солнца они все удалялись, с монашками им говорить было запрещено, разве только по делу. Но здесь люди собрались молиться? Что же это такое? Не губит ли она душу свою?

Евфимия увидела овальный чан с темной водой, подымавшийся посреди залы из ямы. По краю чана были расставлены зажженные свечи. И тихий голос прозвучал:

– Восстаньте!

И все, кто был в зале, собрались вокруг чана. И пошел из него голубой пар, запахло пряной травой, замелькали зеркала по стенам, и кто-то невидимый затянул песню:

Лутуна атану, полуна полану,
Понеми, понема, анама-даси,
Полуна помара, рудара, рудара
Дулана ротара, лузина, лузи..

И огромный барабан где-то у потолка грохнул, и из чана, из пара вынырнула женщина в маске с прорезями для глаз. На ней ничего не было, только длинные черные волосы спустились до колен.

– Кто это? – спросила пораженная Евфимия.

– Мать сыра земля это! – шепнула Акилина. – Сейчас она будет одарять всех плодами своими, и надо есть.

Пение звучало из темноты, от стен, куда не доставал свет свечей. А мать сыра земля протягивала всем поднос, на котором лежали грибы, ягоды и коренья, каждый присутствующий должен был съесть пару ягод, один гриб и один корешок.

Съела ритуальный корешок и Евфимия. Ей стало легко и свободно, как от хорошего вина, к которому её успел приучить Пьер Жевахов, виденья прошлой жизни замелькали перед ней. А невидимый барабан ударил еще раз, и в центре чана не было уже матери сырой земли, а стояла там монашка Досифея, и глаза её сияли сильнее обычного.

Досифея обводила глазами собравшихся людей, и сердце её наполнялось гордостью. Она объединила их и дала им радость. Все больше их приходит сюда с каждым разом. Её учение правильное. Рожденный от старейшей монахини ребенок. Кто его мог вскормить здесь, в монастыре, если мать через два месяца умерла? И Досифее стало ясно, что это Бог послал ребенка-Христа, чтобы напомнить людям о себе.

И теперь Досифея подняла перед всеми на медном подносе маленькое существо. Ребенок был опоен дурманом, он недвижно лежал на золотом вышитой подушечке.

– Вы слышали, что Евпраксия родила? – звучно спросила Досифея. Знаю, слышали не все. Но вы все знаете, что её уже отпели и похоронили. Почти столетняя родила. Разве сие не чудо божие? Чудо! И вот её ребенок, чудом рожденный, ребенок сей – есть маленький Христосик. Он не рожден, чтобы жить, он рожден, чтобы людям было причастие. Вас попы причащают телом Христовым. Но разве то, что они дают – это и есть тело Христово? Обман! Вот настоящее тело Христово, мы причастимся, и удостоимся святой благодати и бессмертия. Все ли готовы причаститься и сохранить тайну нашего причастия?

– Все! – прошелестело в ответ как вздох.

– За разглашение тайны нашего причастия – смерть! Согласны?

– Истинно так! – прозвучало в ответ.

И опять где-то вверху громыхнул барабан. В руке Досифеи сверкнуло трехязычковое копийцо, по её просьбе его сковал неделю назад находившийся ныне в этой же зале коваль. Досифея ударила копийцом ребеночка в затылок, и тотчас ей подали медную чашу, в которую она слила кровь.

– Подходите, причащайтесь помалу! Каждый должен хоть губы омочить!

Подходили, причащались все до единого. И не дико было, а благостно.

А Досифея передала блюдо с умерщвленным ребеночком двум монахиням и сказала:

– Сейчас они тело Христово расщепят и запекут с тестом для дальнейшего причастия. А вы все разбирайте пруты и плети. Помолится, попросим у Господа, чтобы Христос вошел в нас и сделал нам жизнь благую. Скинем одежды и станем как были рождены!

С этими словами Досифея первая скинула с себя платье и рубаху, и все, при свете догорающих свечей, увидели перед собой прекрасного юношу! Евфимия уже ничему не удивлялась, после долгой скучной жизни она попала в мир, где все было наоборот и все было удивительно. Глядя на обнаженного Федьку-Досифею, Палашка-Евфимия ощутила отчаянное желание.

Она слышала, как поют: «Боже наш, выйди на нас!» Дым над чашей поднимался, дурманил, а затем из кипящей красной воды крест воссиял. Все пали ниц, и находились так, пока туман не начал медленно рассеиваться. Тогда восстали, стеная, обнимались, ликовали. Приобщение к великой тайне! Кровь богочаденца Христа! И на сердце стало так благостно, как будто ангел взшел, и взыграли воды в Силоамской купели в Иерусалиме. Все запели и закужились по зале, хлеща себя плетьюми и прутьями, все запели вслед за Досифеей:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу,
Сниди к нам, Христос,
С седьмого небеси.
Походи с нами, Христос,
Во святом во кругу,
Сокати со небес.
Сударь, Дух Святой!

И вот уж кто-то истерически завопил:

– Катит! Катит!

– Полуна помара!

Еще ударил барабан. И мужчины стали хватать женщин, валить их на каменный пол, где придется, Евфимия взвизгнула и рванулась к Досифее, к юноше великому и ангелоподобному.

Содрогания тел вокруг заставляли Евфимию бесноваться. И Федька вспомнил, что не раз встречал эту красивую послушницу в переходах монастыря. Да не замечал как-то. А в ней таилась удивительная сила, и Федька пытался эту силу укротить, да не получилось, чем сильнее укрощал, тем больше она бушевала.

– Ты мой волшебный Христос! – шепнула Евфимия Федьке, когда уже совершенно изнемогла в его объятиях. Федька и сам обессилел. Они дольше всех соединялись, потому Досифея поспешила встать и огласить:

– Стряпухи принесли тело Христово! Причастимся и подкрепимся, братья и сестры!

Все собрались возле блюда с хлебами, отщипывали, жевали. Потом Досифея всех их кропила кроваво-красной водой из чана. И пела непонятные молитвы. И опять ударял барабан, и опять все совокуплялись. Иногда пары менялись, но Палашка Федьку не хотела отдавать никому. Во время одной из передышек она спросила Федьку:

– А точно ли истинная это вера, ведь в Евангелии об этом не сказано?

Он высокомерно ответил:

– Что тебе – Евангелие? Я всем вам сам есть живой Евангель! Смотри! – Федька взял с полки у стены Евангелие, принялся вырывать из него листы, жевать и проглатывать их. – Видишь? За неделю всё съем! Будете молиться моему животу! У меня в нем отныне будет всё Евангелие!

– Будем! – отвечала она, прижимаясь к его животу своим животом и ощущая божественную твердость внизу Федькиного живота. И опять прозвучал барабан, и Досифея облеклась в свои одежды и возгласила:

– Оденемся, братья и сестры, и разойдемся с миром. Помните, все мы приобщились великой тайны, и отступника ждет смерть, где бы он ни укрылся. Божий огненный меч повсюду найдет его и покарает! С богом!

Уходили из зала потихоньку, по одному и парами. Евфимия шла с Акилиной, одурманенная. Она спросила подружку:

– Мы еще вернемся в эту залу?

– Вернемся! Это называется «корабль».

– Почему «корабль»?

– Потому, что мы плывем на нем к счастью!

– К счастью?

– Ну да! Разве мы его ведали в своих деревнях? В городах? Кто от счастья большого в монастырь ушел? Тут половина беглых. Кто от барина бежал, кто от голода, кто от смерти. А счастья-то хочется.

– Хочется! – вырвалось у монахини Евфимии.

9. КОНЕЦ СКОРПИОНА

Грузинский царевич Бекар был красив и изнежен. Каракулевая шапка была крыта алым шелком. Голубая черкеска сияла золотыми газырями. Кинжал его был тоже в золотой оправе. Спокойно глядели его серые глаза с томной дымкой. Черные усы и борода оттеняли шелковистость и гладкость кожи, покрытой золотистым загаром.

Царевич бежал из родных мест из-за угрозы попасть в персидский плен. Взял с собой самое ценное, что легко было навьючить на лошадей и верблюдов. Был в караване даже один индийский слон. Он волновал воображение всех, кто только встречался с поездом Бекара на его пути в Россию.

Караван сопровождали двадцать всадников, все молодые и красивые, на легких грациозных скакунах. Верхами ехали и грузинки, лица которых прикрывались шальями. Женщины, а с лошадьми управлялись привычно, гарцевали, позвякивая массивными монистами и браслетами.

Бекара предупреждали, что на Руси на лесных дорогах много бывает разбойников. Его спутники всегда были начеку. Уже вечерело, когда караван подошел к последнему перед Москвой яму. Комиссар почтовой станции Гаврила Насонович, узнав о том, что просится на ночлег такой огромный караван, вышел сам на крыльцо, изумился, увидев слона. И сказал:

– Верблюды еще – так сяк, но эту скотину я во двор завести не позволю. Для неё и корма нет. Да еще лошадей мне затопчет.

Но явился начальник стражи царевича, высокий, властный и вспыльчивый грузин, и сказал комиссару:

– Мы гости императрицы российской, как смеешь ты, грязный шакал, указывать нам насчет слона или чего другого? Делай, что тебе велят! И моли Бога, чтобы я не прирезал тебя вот этим кинжалом, как худую овцу!

Гаврила Насонович уж и не рад был, что с таким человеком связался. Слона провели во двор, и поскольку в конюшне он не помещался, плотники тотчас отгородили часть двора, куда была постлана солома. Грузины разожгли во дворе костры, принялись варить кашу, жарить шашлыки и печь лепешки. Как не убеждал их Гаврила Насонович, что в доме есть печи и там пищу готовить удобнее, все было напрасно.

Гаврила Насонович вернулся в дом, стал нюхать нашатырный спирт и тереть виски английской солью. Сгорит станция, идти Гавриле Насоновичу в Сибирь.

Грузины развьючили одного верблюда, расстелили во дворе ковры, Нацедили в кованные серебряные кувшины вина из бурдюков, похожих на жирных баранов. Выпили и затянули гортанные песни. В это время во двор вошли два священника и дьячок с ними. Увидев пирующих горцев, благообразный длинноволосый поп перекрестил всю компанию и, тряся седыми кудрями, звучным и раскатистым голосом возгласил:

– О! Пресвятая Владычице Богородице, Небесная Царице, спаси и помилуй грешных рабов сих путешествующих. От напрасные клеветы спаси и от всякие беды-напасти и внезапные смерти. Помилуй в дневных часах, утренних и вечерних и во все времена. Сохрани их – стоящих, сидящих, на всяком пути ходящих, в ночных часах спящих, снабди, заступи и защити. От всякого злого обстояния, на всяком месте и во всякое время буди им, Мати Преблагая, необоримая стена, крепкое заступление всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

Второй поп махал кадиллом, и прекрасный аромат ладана смешивался с запахом шашлыка. Дьячок звонким тенором подпел попу:

– Господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй нас!

Сидевший в раскладном деревянном кресле царевич благодарственно поманил священников:

– Выпейте с нами, божьи слуги, берите кувшины и наливайте себе вина, кому сколько надобно.

Попов и дьячка долго уговаривать не пришлось, они сразу же взялись за кувшины, предварительно перекрестив их, а старший поп сказал, что надо благословить и бурдюк. Грузины не возражали. Никто не заметил, как попы подсыпали в кувшины и в бурдюк порошок.

Веселый привал продолжался, гортанные песни огласили округу. Догорали костры, их пошевеливали палками, и в ночной тьме взлетали и таяли искры. Во дворе становилось всё тише и темнее. Укрывшись буркой, уснул Бекар, задремал рядом с ним начальник охраны, захрапели красавцы-наездники, и сомкнули прекрасные глаза юные грузинки. Тут же прилегли и священнослужители. Старший поп сказал другому шепотом:

– Ну, Глындя, валите в дом, свяжите начальника станции, всех мужиков. А ворохнутся – режьте сразу. Лучше не стрелять. Нам барабанить вредно. Как там управитесь, начнем царевича потрошить. Грузинцы будут спать до второго пришествия. Мы им изрядно порошка в вино натыркали.

Глындя и Мухин потихоньку отправились в дом. Мухин играл роль дьячка. В одежде священника был Глындя, надевший кудрявый парик.

Люди Бира давно следили за караваном. Решили переодеться во все церковное и потрошить караван на станции. Здесь нападения никто не ожидает. Поп и дьячок зашли в помещение станции. Спросили комиссара. Служанка сказала, что барин у себя в кабинете. Зашли. Поп обратился к Гавриле Насоновичу:

– Если тут у кого-нибудь оружие? Возле яма подозрительные мужики бродят, кабы разбойники на царевича не напали.

– У меня есть пистоль, да еще один чиновник ночует, у того – сабля.

– Мужиков в доме много ли?

– Да всего четверо. Я, чиновник тот, два конюха.

– Тогда получи благословение мое! – Глындя оглушил Гаврилу Насоновича пестом, обмотанным тряпичей. Затолкал ему в рот кляп и обыскал. Без шума отобрали саблю у чиновника. В людской Глындя предложил конюхам выпить наливочки, достав из-под рысы синий штоф. Те обрадовались дармовой выпивке:

– Это, батя, по-божески. Благодарствуем, значит!

Они не знали, что Бир самолично на прошлую ночь ставил упревать в печь горшок, замазанный тестом. Настой трех дурманых корешков, настоянных на вине, запаренных в печи, мог бы свалить с ног и слона. Всех женщин на станции связали, и каждой заткнули в рот кляп.

Атаман запалил факел, и тотчас во дворе появились люди в масках и в капюшонах с прорезями для глаз. Опоенные дурным порошком грузинские воины не сразу смогли и глаза продрать. Отчаянный визг подняли грузинки, они вина не пили, потому сразу и проснулись. Проснулся и недоуменно озирался царевич, голова его была свинцовой, его мutilо. Но не зря он был царского рода, он нашел в себе силы шепнуть ближайшей служанке, чтобы она и её сестра поскорее бы проглотили бриллианты и другие драгоценные камни из его шкатулки.

Грузинки принялись глотать драгоценности. Разбойники между тем рубили и кололи пиками охранников, вспарывали тюки, Глындя отрубал у грузин и грузинок перстни вместе с пальцами.

Царевич Бекар и еще один грузин изловчились и выстрелили в эту толпу из пистолей. Кто-то обронил факел, и запылали сеновалы и конюшня. Дико заржали и забили копытами погибающие лошади. И тут случилось непредвиденное: взбесился слон. С гневным трубным звуком он разломал свой загон и помчался, топча всех, кто попадался на пути. Визг, вой, рев!

Но и в этой суматохе Бир не растерялся. Он своим огненным оком углядел пожиравших драгоценности грузинок. И крикнул сквозь огонь и свару Мухину и Глынде:

– Вон тех двух дур хватайте! Вон ту – в голубом и эту – в розовом! Да хрен с ним, с царевичем, тащите этих двух дур! Мать вашу!

Мухин и Глындя, рискуя головами, ухватили указанных грузинок и поволокли в ночь со двора. Грузины постепенно приходили в себя, даже исколотые, изрубленные, опоенные дурманом, они не спешили сдаваться. Гремели фузеи¹⁹, мушкеты, пистолы, а один грузинский юноша метко и бесшумно стрелял из лука. Казалось, в этом дворе дерется сам герой грузинского пиита Шота Руставели. Вот он сам – «Витязь в барсовой шкуре»!

Но Бир этой поэмы не читал. На лесной поляне, при свете факелов, он приказал связать грузинкам руки. С одной позабавился сам, с другой позволил сделать это Глынде. Мухин отошел со света. Он не мог на это смотреть, его подмывало вмешаться. Но нельзя было. Разбойники – стая волков. Бир – вожак. Разорвут!

Когда Мухин вернулся на поляну, он увидел, что животы у грузинок разрезаны. Бир в красном свете факелов красными от крови руками рылся в животе одной из грузинок. Он извлекал драгоценные камешки и ругался:

– Азиаты, что придумали, камушки жрать! Сережки и те проглотали. Дикари, мать вашу!

За болотом на опушке Бира ждала карета, усаживаясь в неё, он сказал:

– Разбегайтесь в разные стороны! Кто куда. Затайтесь пока. Добычу только Марье сдавайте. Через месяц под мостом встретимся.

И нахлобучил шапку по самые глаза. Кучер взмахнул хлыстом – только Бира и видели.

В это же самое время Захар Петрович Коровяков вместе с другим бывшим гусаром и тоже страстным охотником Гансом Гансовичем Шнадером выехали из Шараховки на конях в охотничьих шляпах с перьями, с ружьями, с рожками и пороховницами.

– Вот так и надо выезжать до света! – сказал Захар Петрович. – В наших лесах дичи почти не осталось, проклятый Еремешка-сосед всю её без разбора пострелял. Ну теперь, кроме нас, никто тут не охотится. Старый князь, слышать, болен, а молодой в Петербурге службу правит. Может, теперь и дичь в наших лесах появится. Может, нам уже сегодня повезет.

За охотниками с визгом и лаем бежала свора собак. Захар Петрович осматривал поля и леса из-под руки:

– Хоть бы зайчишку какого загнать.

Вдруг Ганс Гансович Шнадер простер вперед руку:

– Смотрите, это есть медведь, там, у озера, отшень быстро бежит!

– Это не медведь, а черт знает что! – удивленно воскликнул Захар Петрович Коровяков. – Это... чудовище! Ату его! Раззай! Ату!

Шнадер затрубил в рог. Свора с бешеным лаем бросилась вперед.

В ответ раздался как бы голос громадной осипшей трубы. Потому что перед охотниками был убежавший из горящего яма индийский слон. Он несся по русской равнине как сказочный великан. Собаки кинулись ему под ноги, и некоторые из них были сразу же раздавлены. Слон расшвырял, готовый крушить все на своем пути.

– Какая удачная охота! – вскричал Захар Петрович Коровяков, изготавливая ружье. – Стреляйте, Ганс! Слон! Сколько будет жаркого! Мы сделаем из сего слона прекрасное чучело для моего дома! Об сей охоте будут вспоминать мои внуки и правнуки!

Слон обхватил Захара Петровича за талию хоботом, поднял и швырнул в кусты. Ганс Гансович Шнадер бросил ружье и пустил своего жеребца галопом в сторону Шараховки.

¹⁹ Фузея – кремневое гладкоствольное ружье.

Слон с победными воплями и хрипом пронесся мимо рощи, пруда и скрылся в утреннем тумане. Если кто его из крестьян и видел, то принял, конечно, за демона, посланного на землю за грехи наши тяжкие...

А на другой день Левшин созвал своих сыщиков и стукнул кулаком по столу:

– Бир караван царевича Бекара раздербанил! Достать Бира! Хоть из под земли выкопать!

Переодевшись нищим, Томас обошел десятки воровских притонов. Притворялся глухонемым, мычал, протягивая ладошку за подаванием. Зашел он и во Всесвятскую баню. Там ему повезло, он узнал в одном из посетителей Мухина! Банщик хотел, было, прогнать оборванца, но Мухин сказал:

– Пусть немтырь погреемся, тебе жалко что ли?

Поскольку Томаса приняли за глухонемого, то и говорили при нем не стесняясь.

– Черт его знает, зачем атаман зовет, – говорил Глындя. – Может, распознал, что я один камушек из грузинской добычи за щеку спрятал? Тогда – конец мне. Но зачем-то и тебя велел прихватить. Делать нечего, сейчас нарядимся, как ходят люди старого обряда, бороды прицепим, медные кресты наденем и пойдем. Он ведь под старообрядца рядится, Бир-то, вот и не могут его взять.

Глындя пошептался с банщиком, и тот выдал им нужную одежду и парики. Вскоре Томас уже следовал за Глындей и Мухиным. Но осторожно, прячась за деревьями, останавливаясь и выжидая, чтобы они отошли подальше. Они свернули в старообрядческую слободу. Старообрядцев в Москве теперь не трогали, если они открыто не выступали против главенствующей церкви. Самых ярых давно уж выслали в далекую Сибирь. Да еще много их окончило дни самосожжением в годы правления Великого Петра. Нынче они тихо жили в добротных каменных домах, за высокими заборами, пили воду только из собственных колодцев. Никогда в дома свои посторонних не пускали. Резали ложки на продажу, держали пасеки и за закрытыми ставнями крестились двумя перстами перед черными иконами.

Бир выдавал свою усадьбу за старообрядческую. Дома его в усадьбе были сложены из особо крупного камня, смотрелись настоящими крепостями. Между двумя заборами бегали голодные сторожевые собаки, каждая ростом с телка. Усадьба была на отшибе, среди старых лип, ставни на этажах и в полуподвалах были всегда закрыты. Зная нелюдимость старообрядцев, соседи не очень удивлялись отгороженности от мира сей усадьбы. И обходили её стороной. А этого Бир и добивался.

Не дойдя до усадьбы шагов двадцать, Глындя широко перекрестился двуперстием, а затем воздел вверх два перста, словно указывал в небо. Тотчас в массивных дубовых воротах отворилась небольшая калитка и из неё выглянула старуха неопределенных лет, одетая в нелепую хламиду, вполне похожая на ведьму. Она поманила их крючковатым пальцем. Первым в калитку юркнул Глындя, Мухин последовал за ним. Калитка захлопнулась. Старуха принялась лязгать крючками и щеколдами. Затем сказала пришельцам противным визгливым голосом:

– Стойте здесь, молодчики, да не шевелитесь, если не хотите, чтобы из вас кишки вместе с вашим дерьмом выпустили! Сейчас атаману о вас доложат, а уж он решит, что с вами делать. То ли вас в выгребной яме утопить, то ли шкуру с вас на барабаны содрать.

– Ты поговори мне еще! – дернулся к странной старухе Мухин, и тотчас получил удар в переносицу, от которого зашатался и замер, ухватившись рукой за частокол, причем сразу две собаки кинулись к нему и заклацали зубами, стремясь отгрызть пальцы. Он едва успел отдернуть руку.

Сопровождаемые сей старухой, они прошли к дому. Она обвела их вокруг дома, указала девять каменных ступенек, ведущих в полуподвал. Глындя с Мухиным застыли в нерешительности, но старуха наставила на них пистоль. Спустились по ступеням, открыли дверцу,

вроде чуланной, Мухин отшатнулся, увидев, что навстречу ему летит окровавленная человеческая голова. Она все же стукнула его в плечо и полетела обратно.

Где-то в глубине мрачного полуподвала послышался смех, похожий на детский. Навстречу разбойникам прилетело сразу две отрубленные человеческие головы. Они стукнулись о прищельцев и отлетели. Но Мухин успел заметить порезанные щеки и носы этих несчастных. Пообвыкнув в темноте, Мухин и Глындя увидели, что человеческие головы привязаны волосами к веревкам. Другие концы этих веревок были прикреплены к крючьям на потолке. Два подростка, мальчик и девочка, развлекались тем, что оттаскивали головы к противоположной стене, а затем резко отпускали их, они и летели в направлении двери, а затем – обратно.

Девочка сказала:

– Хороши качельки! Ай, не понравилось? Если вы тяте много денежек не дадите, он вам тоже головы отрубит и даст нам играть.

Старший мальчик сказал:

– Может, я сам вам дурные башки и срублю. Тятка мне за такое дело всегда ефимок дает. Да нечасто это случается, вот беда-то!

В этот момент в полуподвал через открывшийся вдруг проем в стене вошла дородная чернобровая женщина. Её лицо и её фигура излучали здоровье и добродушие. Погладила ребятишек по головам, сунула по прянику. Потом сказала Мухину и Глынде:

– Просим покорно, наступив на горло! – и показала белые мелкие зубы.

Глындя поспешно снял картуз, начал кланяться:

– Я чаю, се атамановы чады? Вроде как лицом смахивают на него?

– Наши! – еще раз улыбнулась женщина. – И уж такие озорники. Им хоть говори, хоть нет, все в подвал этот лезут. Ну, проходите, атаман ждет вас в соседней палате!

Они прошли в другую полуподвальную комнату, а там топился громадный камин и висел на дыбе могучий мужик, в бархатном камзоле, руки его были вывернуты, он хрипел и ругался. Возле дыбы стоял с кнутом сам Бир. Еще Мухин и Глындя увидели массивную дубовую скамью возле стены. К той скамье веревками были прикручены девица и мальчик, весьма похожие на мужчину, который теперь был под пыткой.

Рядом с Биром стояли две странные старухи. Они были в балахонах, напоминавших платья, в смазных сапогах, рамена²⁰ их были не по-женски широки, лица грубы, а голоса – тонки и противно писклявы.

Бир отер пот со лба и сказал Мухину и Глынде:

– Вы как раз вовремя подоспели! Мы с Кондратием Селиверстовым и Петрой Демьяновым уже умаялись сего рыжего злодея пытать. Верно бают, что рыжий человек обязательно – бесстыжий! Так оно и есть. То – купец. И богат, шельма, несметно. В трактире на Язуе подслушали наши послухи его разговоры. Похвалялся он перед своими знакомыми богатырями тем, что золото и камни дорогие со шкатулкой в своем доме так запрятал, что хоть весь дом разломают, а шкатулку ту сроду не найдут.

Что же нам, бедным, делать? Вот лупим его и кнутами, и палками. Устали так, что уже все члены ломит, а у него никакого милосердия к нам нет, не сознается. Можно было бы прут накалить да прижечь его как следует. Так ведь у меня-то сердце доброе. Я ведь всегда по-хорошему хочу все дела улаживать, сами знаете! Нет, не буду я его жечь! Да у меня и баба суровости не любит. Ну-ка, Глындя да Муха, вы со свежей силой теперь пришли, подержите-ка куманька за задницу и за ноги, а Кондратий с Петрой его окрестят по-своему, в свою веру скопческую обретут.

²⁰ Рамена – плечи.

Глындя и Мухин подошли к дыбе, ухватились за мужика, не понимая еще, как его держать надо и что с ним теперь делать будут.

Похожий на громадную старуху, Кондратий вытащил из-за голенища сверкающий кривой нож, изогнутый так, что даже был похож отчасти на серп, и затащил визгливым дискантом нечто вроде молитвы:

Шатыр-матор
Губернатор!
Шапка плисовая,
Пыська – пысовая,
Посередке кисть,
По болталке – хвысть!
Не трясись меж ног,
Того хочет бог!
Только шерсти клок,
Сшибли черту рог!

Кондратий ухватил мозолистой шершавой дланью купца за мошонку и член и быстрым круговым движением отсек эти предметы мужского достоинства, а Петра тотчас провел по этому месту раскаленной в камине ложкой, у которой была длинная костяная ручка. Кровь на месте раны в момент подернулась коркой ожога. Мужик нутряно зарычал.

Кондратий Иванович продолжал петь с подвыванием:

Древний змий,
Древний змий,
Не склоним
Пред змием вый,
И рык, и брык,
И мык, да и тык.
Змия древнего нет,
Только Боженькин свет!
Чистота, лепота,
Нет у черта хвоста!

Плевался и рычал мужик. Привязанные к скамье девушка и мальчуган зашлись в крике. Бир окатил мужика на дыбе ведром холодной воды и спросил:

– Ну? Теперь-то скажешь, где клад лежит?

Мужик хрипел, ему было не до разговоров, но было видно, что он отрицательно мотает головой.

– Ах ты сволочь! – осерчал Бир. – Сколько с тобой, дураком, можно возиться? Вот уж рыжий так рыжий! Ну ты, рыжий, знай, что не только сам больше детей не будешь иметь, но совсем у тебя потомства не будет! На тебе все кончится! Понял? Я ведь не зря в своем доме секту скопческую приютил. Дом большой, для хороших людей места хватает. Все их гонят, а люди славные. Они грешников в святых превращают. Вишь у них на груди висят вместо крестов серебряные полтинники? Это от чистоты и доброты. Они всё округлое любят. Кондратий Иванович – наиглавнейший в Москве и во всей России скопец! Он столько уже людей побелил, поголубил, очистил и к истинному Богу привел! Сейчас он и твоему мальчишке все отчекрыжит, за милую душу. Так что внуков тебе не дожидаться!

Мужик сплюнул кровью и прохрипел:

– Небось дождусь! Марья вон родит кого.

Бир изо всех сил хлестнул его кнутом, стараясь попасть по раненому месту. И сказал:

– Брось свое упрямство! Повыдрючивался и хватит! Рассказывай, где клад лежит. Ты, что же думаешь, что Кондратий одних мужиков скопит? Он и баб убеляет за милую душу! Скажи, Кондратий!

Мужик, старушечьего обличия, подошел к скамье, разорвал на девушке платье и панталоны, мгновенно обнажив её всю. Гадливая улыбка перекосила его лицо, когда он сунул пальцы меж её ног.

– Здесь малый змий похотливый обретается. Ишь, как пружинит, ишь, как краснеет! Ишь, как маслится! А нам не впервой! Это мы побелим в момент! И грудочки отхватим, как гниль с яблока вырежем! И щель зашьем. И желания лишим.

Девчушка мелко дрожала, мальчик пытался освободиться от ремней. Но привязали их прочно.

– Последний раз спрашиваю, где клад? – вскричал Бир. А Кондратий Иванович, тем временем, уже приготовился отрезать брату и сестре все, что, по его мнению, было лишним. И уже нож занес над парнишкой.

В этот момент из горящего камина сами собой просыпались на пол горящие поленья и угли, затем из камина потекла вода пополам с сажей. И вдруг оттуда выскочил черт с рогами, длинным красным хвостом и белым оскалом зубов!

Кондратий, Петра, Леха и Глындя кинулись вон из комнаты, черт не обратил на них внимания. Он выстрелил в Бира из пистолета, пробил ему правое плечо. И стекла зазвенели, и двери затрещали, и завывали подстреленные собаки на дворе. В полуподвал ворвались вооруженные люди во главе с Томасом Девильневым. Черт и Бир катались и хрипели, пытались задушить один другого. Биру мешала кровоточащая рана, но сила его была слоновья. Сыщики принялись его вязать. Во время борьбы все переместились к камину, огороженному решеткой в виде перекрещенных копий с острыми наконечниками. Почувствовав, что ему не вырваться, Бир бешено мотнул головой. Одна из пик каминной решетки вонзилась ему глубоко в глаз. Могучий человек этот дернулся несколько раз и затих.

Бир лежал на полу в крови и грязи, в золе и чадящих головешках. Девильнев поднес к его губам перстень с вделанным в него крохотным зеркальцем. Глянул. Сказал:

– Главного живьем не взяли. Это всем нам укор! А как там – другие?

Дверь отворилась, и в полуподвал ввели крепко связанных Мухина, Глындю, Кондратия Ивановича, Петру и других обитателей дома.

Девильнев приказал побыстрее отвязать от скамьи девчушку и мальчика, снять с дыбы рыжего купца.

– Гудошниковы мы! – сказал он, отирая с лица пот, кровь и слезы, охая и стеная. – Ты, старшой, не сомневайся... ой жжет низ живота! Ой-е-ёй! Болит-то как! Но ништо, заживет! Я вижу, что ты нерусской нации, но ты мне теперь роднее родного. Я тебя награжу за спасение. Как же ты разведаль, что здесь деется?

– Видение мне было! – отвечал Девильнев. И подумал, что вовсе и не соврал. Действительно, ему снилось это место, снился Мухин, снилась кровь. А обнаружив Мухина и выследив, в какой дом зашел он с дружкой, Девильнев вызвал солдат. Отыскал и пожарника, который обычно чистил в том доме каминные трубы. Он нарядил парня чертом, взял шесты и веревочные лестницы, да прихватил для собак отравленного мяса. Шесты позволили перепрыгнуть через заборы, веревочная лестница помогла пожарнику взобраться на крышу. Крики Гудошниковых помешали Биру услышать шум осады.

Теперь он лежал бездыханный. Девильнев приказал отвезти всех обитателей дома в арестантскую. Он горел нетерпением допросить Мухина. Пусть скажет, где же теперь

Палашка. Ему-то теперь не видать её никогда. Вечная каторга! Вот что ждет крепостного художника. Сам виноват. Не надо было с бандитами связываться.

Арестованных усадили в экипажи, возле дома выставили охрану. Гудошников всё целовал Девильневу руки. И говорил о щедрой награде. На что Девильнев отвечал:

– Я выполнял свой долг, месье!

10. ПЕЛИКАН ПРОСНУЛСЯ

25 апреля 1742 года состоялась коронация императрицы Елисаветы Петровны. В Москве на площадях, где прежде стояли эшафоты и виселицы, плотники сооружали длинные столы для пиршества. И настал день, когда из Петербурга прибыл длинный поезд дорогих карет. У собора, где проходила коронация, было столпотворение. Звонили колокола, стреляли пушки. Крутились колеса фейерверка. Повара прямо под открытым небом на огромных вертелах жарили целиком быков и баранов. На уличных столах уже стояли двенадцативедерные чаны с вином. Служки ждали сигнала, чтобы отвернуть их краны и начать наполнять кружки.

Вечером Томас с еще несколькими агентами присутствовал в кремлевском дворце на торжественном обеде. Сияли бриллианты в прическах красавиц, ленты и ордена на мундирах кавалеров. Великолепна была императрица Елисавета. Сверкало её платье, сверкала маленькая корона в волосах. Лицо её с нежным румянцем дышало молодостью и здоровьем, она весело всем улыбалась. Возле нее находился чернобровый красавец граф Алексей Григорьевич Разумовский. И неважно, что он еще недавно был простым певчим. Этот прилетевший с Украины птенец взлетел так высоко, как многим знатным за всю свою жизнь никогда не подняться.

Неожиданно Томаса сзади окликнули. Он обернулся и увидел Пьера Жевахова рядом с французским посланником маркизом Жаком Иохимом де ла Шетарди. Пьер обнял Томаса и сказал Шетарди:

– Маркиз! Позвольте вам представить моего университетского товарища, Томаса де Вильнева! Получается, куда ни плюнь, попадешь во француза!

– Не надо никуда плевать, дорогой Пьер, – улыбнулся де ла Шетарди, – тем более что французы всегда добры и веселы. Приятно мне встретить в России еще одного соотечественника. Чем вы занимаетесь здесь?

Томас, смущаясь, ответил:

– Служу в канцелярии розыскных дел. Попал туда случайно.

– Вот как! – воскликнул де ла Шетарди. – Вашей канцелярии повезло. Посланник Франции в Турции маркиз де Вильнев, это ведь наверняка ваш родственник? Он очень помог России заключить выгодный мир с турками, за что и получил от Анны Иоанновны орден Андрея Первозванного, высшую награду Российской империи.

– Да он мой родственник, это мой дядюшка, – сказал Девильнев, но я о его подвигах слышу впервые. У моего отца было много братьев, я не со всеми близок.

Посланника позвала императрица, он еще раз поклонился Томасу, сказал, что рад был познакомиться, что при случае подумает о его дальнейшей судьбе, и отошел. Пьер взял Девильнева под руку:

– Как живешь, дорогой друг? Не думал ли ты, что я тебя забыл? Нет, я всегда тебя помнил, но обстоятельства складывались так, что после нашего освобождения я не мог с тобой встретиться.

– Я тоже о тебе часто вспоминал! – сказал Девильнев. – Да и как мне забыть тебя, если даже моя служба о тебе напоминает. На окраине города есть горелые дома, там часто проказили разбойники. И там мы нашли вашу жеваховскую карету с вашим дворецким. Старик был задушен. Ты знаешь об этом?

– Знаю. Скажу еще и о том, чего ты, сыщик, не знаешь. Задушить должны были меня. За мной шла охота. Но у нас несколько одинаковых карет. И я наряжал в свои костюмы своих слуг и заставлял их выезжать в разное время, в разные концы города. Так и сбивал с толку шпионов Ушакова. Я помогал Шетарди готовить трон для Елисаветы. Люблю риск и азарт!

Вот почему я не давал тебе знать. Скоро в Петербурге состоится заседание ложи вольных каменщиков, тебя известят. После все решим.

В этот момент с шелестом, подобным шелесту лесных дубрав во время сильного ветра, опустились шторы всех окон, и в зале стало темно, будто мгновенно настала ночь. Где-то заиграла флейта, потом другая, потом грянул оркестр, и разом вспыхнули тысячи свечей белого воска. Зеркала были обрамлены подсвечниками, свет в них дробился и множился. Пары выстроились для полонеза, и впереди были императрица и граф Разумовский.

А на площади люди кидались к бочкам, пили кружку за кружкой, пока могли стоять на ногах. Рвали руками куски жареного мяса. Кричали – виват! Все небо пылало от потешных огней. Прямо на берегу Яузы была поставлена опера под названием «Опечаленная и вновь утешенная Россия». Был также поставлен балет «Радость народа, или Появление Астреи и восстановление золотого века». Все это было в постановке итальянца Ринальдо Фузано.

Москва давно не видела столько веселого и пьяного народа на своих площадях. В небо летели шапки...

После праздников Томас долго ждал вестей от Пьера. Их не было. Чтобы отвлечься от дум, Томас ночами колдовал в Сухаревой башне над своими колбами и ретортами. Однажды из стены вышел старый Брюс и сказал:

– Вам скучно, друг мой, без любимой? Не возражайте! Я знаю! Но я подскажу, как избавиться от тоски. Под старость я был очень одинок. Я хандрил в своем имении. И тогда я стал собирать вокруг села цветы и делать из них девушку. Я создал её из цветов! Глаза сделал из васильков, груди из лилий, всё, всё у неё было из цветов, и всё было как настоящее! Это была сладчайшая и ароматнейшая из всех девушек, каких мне довелось познать в своей жизни. Все в ней было прекрасно. Единственное, чем она отличалась от прочих женщин, так это тем, что не умела говорить. Но, может быть, для женщины это вовсе не такой уж недостаток?

Всё лето я прожил в угаре любви. Все мои диваны и кровати пропитались её ароматом. Я забыл, что я стар. Никогда до этого я не знал подобных сладчайших любовных утех. Я целовал её без конца. Но однажды заметил, что она начала отцветать и вянуть. На дворе была осень. И вот, цветы засохли, осыпались, и от неё остался лишь пучок серых сухих стеблей, венчик, которым – хоть пол подметай.

Я решил сделать на следующий год новую цветочную девушку и попытаться сделать её неувядаемой. Но я заболел и умер. Я советую вам продолжить мои опыты. Сделайте весной себе девушку из цветов. Потом облучайте её разными драгоценными камнями. Вы добьетесь! Она станет неувядаемой. У вас будет любимая, которая не просит есть, не требует денег и вина. Идеальная любовница, всегда чистая и нежная. И еще. Чаше читайте вашего гениального земляка Шарля Перро, у него вы найдете подсказки для своего дела. Помните: Золушка превратится в принцессу в алхимической печи. Но прощайте! Скоро запоют петухи! Мне надо уходить!

Якоб Брюс завернулся в плащ и исчез в стене. А Томас заглянул в реторту и увидел, что все в ней перегорело и превратилось в серый безжизненный порошок. Золото опять не удалось получить. А Брюс? Действительно ли Томас видел его? И вдруг Девильнев увидел кусок черной кожи на полу. Видимо, Брюс в спешке зацепился за тот вон торчащий из стены железный крюк, кусок полы и оторвался, но это был кожаный мешочек, старый, потертый.

Девильнев задумался. Однообразие жизни угнетало. Если ты не стар, то хочется перемен, движения. Девильнев ждал вестей от Пьера. Но их всё не было.

И вот к дому, где жил Томас, подъехала карета. В дверь постучал незнакомец и сказал, что он послан Жеваховым.

– Куда мы едем, сударь? – спросил встревоженный Томас.

– В Петербург!

Они помчались. Было слышно, что карета въехала под какие-то своды, стук копыт отдавался очень гулко. Спутник Томаса вышел из кареты, распахнул дверцы. Томас шагнул в полную тьму, удивляясь тому, как быстро стемнело, и нащупывая под камзолом пистоль.

Они вошли в тоннель. Увидели слабое мерцание. Девильнев различил колонны свод, эмблему: пеликан разрывает грудь, кормит детей своим собственным сердцем. В полутемном зале на Томаса надели хитон, масонский фартук. Лопатка каменщика, белая перчатка. В капитуле, в глубине, стоял стол с красной скатертью. Сидели люди в черном. Была раскрыта Библия, рядом с черепом, у которого мерцали глазницы.

Стало светлее, и он увидел ковер с изображением глобуса, солнца и луны, знаков зодиака. Красный алтарь с тронem, над которым между солнцем и луной блистает пятиконечная звезда Люцифера. Мастер отпил из чаши и пустил её по кругу. Дали хлебнуть черной жижи и Томасу. У него закружилась голова. Мастер. Слово о духовной сущности человека, о торжестве над материей. Маски. Ожил человеческий череп. В пустых глазницах вытарацились похожие на кошачьи зеленые глаза. Томас почувствовал, что ему опалило брови.

Из черепа прозвучал громopodobный голос:

– Мыслью можно долететь за секунду до самой дальней звезды. Помни об этом. Чувствуй и повинуйся ложе. И ты возвысишься!

Человек в черном вывел Томаса обратно во тьму. Молча сел рядом с ним в карету. И когда Томас вышел из неё, то вновь увидел дом, в котором была его квартира. Он только мог догадываться, что побывал в подвале какого-то из московских дворцов.

И служба пошла своим чередом. Из своего не очень давнего присутствия на коронации Девильнев не мог вынести никакого мнения о новой властительнице великой страны. Нет двух одинаковых характеров на свете, есть только похожие. А от характера человека зависит ой как много! Если меняется властитель, то вся держава ждет: а что будет? каковы будут перемены? каков есть характер человека сего?

Вскоре стало известно многое. Дочь Петра Великого Елисавета Петровна нрава была живого. Говорили, что танцует хорошо и верхом ездит отменно. Мать наукам и искусствам. Поручила графу Шувалову открыть в Москве первый в России университет. Говорили еще, что она покровительствует театру. Много платит актерам и певчим. Истинно верует. Сходила пешком на богомолье. Установила, чтобы Библия на славянском языке стоила не дороже пяти рублей. Вернула людей из ссылки.

Вернулась «порушенная» царская невеста Екатерина Долгорукова. Говорят, на приеме императрица Елисавета сказала ей:

– Твой царственный жених, мой племянник, умер, а я тебе даю жениха из королевского шотландского рода!

И выдала Екатерину замуж за Александра Романовича Брюса, племянника умершего фельдмаршала. И получилось, что она вернулась в свое родовое имение, где её детство прошло. Ибо фельдмаршал Брюс купил это имение за бесценок, когда всех Долгоруковых отправили в ссылку или казнили.

После свадьбы племянник Брюса нередко приходил к Девильневу в Сухареву башню, чтобы пить вино и жаловаться на жену:

– Она меня считает недостаточно высокородным. Мучения испортили её вконец!

Томас говорил молодому Брюсу о том, что занимается в Сухаревой башне алхимией. И рассказывал о цветочной девушке. Вот бы обзавестись такой! Но младший Брюс только отмахивался:

– Не морочьте мне голову, лучше приезжайте к нам, может, вы как-то оживите эту несчастную!

И Девильнев однажды навестил Александра Романовича в его имении. Старинный парк с оранжереями был великолепен. Но нелюдимая супруга Брюса даже не пожелала

выйти к Девильневу. Он видел её мельком в парке. Видел, как было желто её лицо, как тусклы глаза. Невольно думалось о том, как больно ранит людей уязвленная гордость. Могла бы стать императрицей, да не стала! Стоит ли горевать о несбывшемся и теперь уже несбыточном? Странно устроены люди! Она прожила в замужестве всего лишь год и умерла в возрасте тридцати трех лет. Упокоилась в фамильном склепе, оставив мужу шкатулку с китайским жемчугом.

Да, у нынешней императрицы золотой характер. Милосердна к бедным, вызволяет из заточения униженных напрасно. Чего уж желать лучшего? Но в Московском сыскном приказе и в Тайной сыскной канцелярии были одним из указов новой императрицы встревожены. Хорошо-то оно хорошо, но получается, что ничего хорошего! Вслух этого никто не говорил, но все друг друга здесь и просто по глазам понимали.

Императрица отменила смертную казнь. Человеколюбие Богу и людям приятно, кто спорит? А только в той же Москве обыватели теперь боятся и на улицу выходить. Богатых людей даже собственная охрана не в состоянии уберечь. В канцелярии считали, примерно, конечно, и получилось, что за последний год только в Московской губернии от помещиков сбежало сто тысяч крестьян. Куда девались? А никуда не девались. Бродягами бродят, без бумаг, без поручных записей. А бродяга вечно голоден, и волей-неволей надумает что-то украсть или кого-то ограбить.

Дошло уж до того, что шайки на деревни нападают, выкуп со старост берут. А в конце зимы под Москвой на винокуренный завод напали, бревном ворота выбили, охранников топорами зарубили, управляющего в бочке с вином утопили. Все перепились, с собой в ведрах и флягах много вина утащили. А то, что в заводе осталось, – подожгли, чтоб никому не доставалось. И завод сгорел, и селенье при нем сгорело.

Девильнев привык спать вполуха, одетым. Ночь-полночь поднимали, и приходилось скакать с пистолетами и шпагой куда прикажут. А то шел в каком-нибудь рядне, изображая нищего, и тоже держал пистоль под кафтаном наготове. Носил рыжие, черные и седые парики, приклеивал то усы, то бороду. Бывал во многих побоищах трактирных и в опасных перестрелках.

Всякого насмотрелся. И уже забылось обещание братьев-масонов о переменах в его жизни. Думал он, что Пьер Жевахов уже и забыл о нем напрочь. Но однажды его неожиданно вызвал Левшин:

– А ты, брат, хитер!

– Почему вы так решили?

– Решил от меня сбежать и молчал столько времени? Я ведь знаю, как долго такие дела под сукном лежат. Ну что ж. Кто-то перед самой императрицей о твоём переводе в армию хлопотал. Теперь уж нам тебя нельзя не пустить. Но ведь теперь война начинается, там тебя убить могут. Откажись!

– Не смею отказываться! Вы же сами сказали, что о моем переводе известно самой государыне.

Получив подорожную и другие бумаги, отправился в вояж. И вот он сидел за чаем в петербургском доме Пьера. Жевахов пояснил Томасу:

– Ведомство твоё своих чиновников отстаивает до конца. Отступников оно даже уничтожает. Можешь умереть, скушав чего-нибудь за обедом, либо обрушится на тебя дерево на бульваре, либо кирпич с крыши упадет. Не так-то просто тебя оттуда выцарапать. Служить будешь под началом полковника Петра Александровича Румянцева. Знаешь ли ты, кто это такой?

– Даже не слышал о таком.

– Его отец, Александр Иванович Румянцев, не кто иной, как внебрачный сын Петра Великого. Так вот, полковник Петр Александрович будет теперь твоим начальником. Это он

выхлопотал тебя из сыска. Сам он еще недавно учился в Берлине, но преуспел там лишь по части совращения с пути истинного высокородных немецким дам. Да это и неудивительно. Мужчина это стройный, высоченного роста, великой силы, настоящий лев! Кулаком быка убивает! После нескольких скандалов вернули его из Германии в российскую столицу. Он очень понравился императрице Елисавете, и она сделала его полковником. Он стремится набирать в свой полк богатырей. И я рекомендовал ему тебя. Ты ведь роста немалого и красив в меру, и в своей трудной службе сильно возмужал. Завтра поедем к полковнику, я тебя представлю.

Поговорили еще об общих знакомых, вспомнили Сорбонну. Томас не выдержал и спросил у Пьера:

– А давно ли ты был в своем поместье? В Ибряшкине? Помнишь, как ты писал обнаженную натуру с одной девицы. Кажется, её звали Палашкой? Она по-прежнему живет в вашем имении?

Пьер удивленно глянул на друга:

– Палашка? Понятия не имею! Может, и живет. В Ибряшкине я с тех пор как нас арестовали, не бывал. Некогда. Все занимаюсь политик! Никогда не занимайся политик, шер ами! А то и у тебя не будет ни капли времени. Мне предлагают службу по внешним связям. Скоро я буду занят еще больше. А уж если я выберусь когда-нибудь в Ибряшкину, то первое, что я там сделаю, выпорю как следует негодника Еремея! Он опять не прислал мне денег! Вот уж скотина так скотина! Таких скотов и свет не видал!

11. ВЕНЕРЫ И АПОЛЛОНЫ

Гуляла по Летнему саду, разглядывая статуи, юная баронесса Матильда фон Танненберг. Она прибыла с мужем из Москвы, чтобы осмотреть достопримечательности Петербурга. Муж задержался в адмиралтействе, и юная особа прогуливалась одна. Остановилась возле статуи Аполлона, солнце просвечивало сквозь листву, мраморный юноша был прекрасен. Вдруг из-за статуи появился высокий статный офицер и сказал:

– Неправда ли, мадам, Аполлон великолепен?

Матильда кивнула.

Офицер продолжил беседу:

– А знаете ли, мадам, что вас обманывают?

– Кто и как? – изумилась Матильда.

– Вас, и все дамское общество, уже несколько столетий обманывают эллины и греки.

Они же клеветают на нас, мужчин, злонамеренно изображая вот это место! – и офицер указал на фиговый листок. – Настоящее мужское приспособление, мадам, никаким фиговым листком не закроешь, в чем я вас призываю немедленно убедиться.

С этими словами офицер обнял железными руками Матильду, крепко прижал к себе, успев высвободить из белоснежных рейтуз то, что у Аполлона было столь слабо выражено. Матильда и опомниться не успела, как оказалась прижатой задним местом к Аполлону. Она только ахала да всхлипывала:

– Нас могут видеть! О боже мой! Нас могут видеть!

Офицер сурово делал свое дело. И их действительно увидели. Когда взаимное их обогащение подходило к апогею, в аллее вошел муж Матильды. Он не сразу понял, что происходит, а когда понял, возопил:

– К барьеру!

Офицер, закончивший занятие с Матильдой, приподнял этого господина за воротник и сказал:

– Умолкни, слизняк! Я полковник Петр Александрович Румянцев.

И гордой поступью полковник удалился. О! Барон был не одинок в своем несчастье! Молодой Румянцев брал женщин приступом в самых неожиданных местах. Он грешил с ними в кустах, лодках, бочках, в подвалах, на чердаках, в канавах, в каналах. В казармах, в частных домах и в императорских дворцах. На балах и торжественных обедах, во время театральные представлений и катаний на санях. Стоя, лежа, сидя, на четвереньках, на корточках. В удобных и неудобных положениях. Сдержать наступательный порыв Петра Румянцева было невозможно, да и мало было охотников эти порывы сдерживать.

К императрице Елисавете постоянно поступали устные и письменные жалобы на Румянцева. Однажды она его спросила, играя веером:

– Дорогой полковник, неужто всё, что пишут мне в жалобах на вас, – верно! Вы же еще так молоды!

– Все там неверно, государыня! – ответил Румянцев. – Потому что во сто крат преуменьшено!

– Шалун! – сказала Елисавета, с удовольствием оглядывая фигуру полковника, его дышащее здоровьем приятное лицо. – Смотри, не перебарщивай! Возьми эти жалобы себе, чтобы ты знал, кого тебе надо теперь опасаться.

– Хорошо! Я выучу наизусть их имена!

Он действительно прочитал все жалобы, запомнил всех ревнивых мужей, переписал адреса их домов.

Лето в северной столице выдалось жаркое. Румянцев выводил свои батальоны к Неве для омовения и стирки. Солдаты мылись и купались, стирали белье. Затем белье увозили на телегах для развешивания и просушки.

По команде Румянцева батальоны выстраивались около Невы в чем мать родила. Перед каждым батальоном – голый батальонный командир. Впереди всего полка шагали и выбивали дробь шесть голых барабанщиков. Перед всей этой процессией шагал полковник Петр Александрович Румянцев. Причем мужское его естество находилось в положении полной готовности.

Возле домов, где жили мужья-жалобщики, полк выстраивался в несколько шеренг и по команде полковника делал непристойные движения своими мужскими премудростями. Вместе со всеми проделывал эти движения и только что произведенный в поручики Томас Девильнев. Вообще-то он характер имел скромный. Но не зря говорят, что на миру и смерть красна. В такой большой компании ему было совсем не стыдно стоять голым.

Таким грандиозным образом, среди прочих несчастных мужей, было оскорблено и несколько важных сановников. И они, конечно, высказали свое возмущение императрице. Отец буйного полковника, Александр Иванович Румянцев, только что возвратился из Швеции, где заключил выгодный для России мир. Императрица Елисавета устроила по этому поводу торжественный обед. Во время обеда по одну руку от нее сидел граф Разумовский, а по другую – Румянцев, которому она только что пожаловала графский титул.

Елисавете было весело. Возле широкого и длинного пиршественного стола не было прислуги. Но каждый обедавший мог написать на грифельной доске названия блюд и напитков, которые ему надобны. И блюда и вина эти из особых отверстий сами собой немедленно появлялись возле обедающего.

В этой затее сказалась, видимо, душа Петра Великого, продолжавшая жить теперь в его дочери. Петр Великий любил все необычное, новое, разные приспособления и усовершенствования. Теперь Елисавета весело поглядывала на Александра Ивановича, который подобное чародейство видел впервые.

– Я чаю, ничего подобного при шведском дворе нет? – спросила она Румянцева.

– Ничего подобного нет, государыня матушка, ни при шведском дворе, ни при гишпанском, ни при французском. Это только в твоей империи могут быть всякие чудеса. – Румянцев воспользовался случаем, чтобы польстить. А она с лукавой усмешкой сказала своему незаконному, тайному братцу:

– Ты прав. Только в моей империи могут быть такие удивительные полковники, каков есть твой Петька! Ведь что творит? Целый полк нагишом перед окнами знатнейших людей потрясает своими детородными органами! И сам твой Петька – впереди всех! И кто видел, говорили, что эта штука у него преогромнейших размеров! Весь полк и сам полковник своими мужскими приборами среди белого дня посреди столицы потрясают! Где и когда, в какой империи это было? Распустил ты своего Петюшку!

– Матушка государыня! – воскликнул Александр Иванович. – Сама знаешь, по делам служебным полжизни по разным городам и весям мотаюсь, по заграницам езжу. Без моего призора возрастал, разве ж я виноват? Но ты, матушка, не сердись, я его, обормота, заporю до смерти! Вот, как бог свят, заporю! Сегодня же!

Елисавета милостиво сказала:

– Ну уж так и до смерти! Чай жалко будет такого фантома! Но поучить по-отцовски не помешает. Он же всех моих фрейлин в список своих амурных побед вставил. Куда годится? Экий, прости господи, жеребец неумный!

– Сегодня же выпорю негодника!

Вечером того дня Девильнев был приглашен к Петру Александровичу Румянцеву. Они договорились о том, что Томас будет давать своему полковнику уроки французского языка.

Петр Александрович встретил его с бокалом в руке:

– Пей, поручик! Учить и учиться удобнее будучи немного выпивши. По себе знаю. У нас на парадах и приемах по-французски говорят почти все, я и сам этот язык разумею. Но императрица требует, чтобы говорили чисто! И часто от сего карьера зависит. Так что я буду говорить, а ты поправляй произношение.

Петр Александрович начал говорить по-французски, но произносил большей частью матерщинные слова. Он пояснил Томасу, что хочет уметь ругаться по-французски лучше всех других россиян. И бедный Томас вынужден был учить его самой похабной ругани.

В разгар этих занятий в комнату быстро вошел граф Александр Иванович Румянцев с десятком дюжих телохранителей и лакеев, державших в руках пучки розог.

– Валите негодяя на диван! – скомандовал граф Александр Иванович. – Пороть его, пока не обделается!

– За что, родитель? – басом спросил Петр Александрович.

– За то, что своим непотребным буйством матушку государыню в скорбь ввел! За то, что грешный член у тебя чересчур длинный!

– Ну это я восприму как зависть!

– А вот как спустят шкуру с задницы, так тогда как хошь воспринимай!

– Батяня! Меня пороть нельзя! Я полковник! Я в мундире Российской империи! – завопил Петр Александрович.

– А мы пороть будем не мундир, а того, кто прикрылся сим мундиром. Сдирай с него одежду!

Девильнев хотел потихоньку уйти из комнаты, но Александр Иванович его остановил:

– Стой, поручик! Учись тому, что чины от порки не защитят!

Первые розги с оттягом прошли по голому заду полковника.

Петр Александрович понял, что уговоры на отца не действуют, и теперь можно применить силу. Но надо это сделать так, чтобы казалось, что ему удалось вырваться только случайно.

– Держите меня крепче, держите, не то убегу!

С этими словами он поднялся на диване во весь рост и крутанулся, разбрасывая вцепившихся в него дюжих лакеев. Спрыгнув с дивана, он вышиб ногой оконную раму и выпрыгнул в сад:

– Держите меня, держите, не то убегу! – вопил он, летя быстрее ветра по аллеям парка. Никто не смог его догнать, да лакеи не сильно-то и старались. Догонишь, да получишь такую плюху, что не встанешь, сила у мужика медвежья.

Петр Александрович укрылся в казарме. Всю ночь он там пил со своими офицерами. Пел песни и плясал. Политические события предрекали скорые походы и баталии. Война всё спешет!

12. ПЕТЕР УЛЬРИХ ВОСКРЕС

Сколько он пробыл в беспамятстве, Томас не помнил. Очнулся в Ибряшкине, в мезонине, весь обложенный подушками. Мир долгое время был как бы закрыт темной шторой. Её теперь открыли, но от кровати не отвязали. Он был к ней привязан не веревками, а болью. Пахло карболкой, целебными травами, отварами и настоями.

Туманно вспоминались прусские редуты, которые встречали русских солдат огнем. И Девильнев видел сам себя со шпагой на бруствере, когда он, увлекая за собой солдат, оборачивался и кричал ободряющие слова. В том бою ему не повезло, ему разбило осколком ядра голову, его искололи штыками.

Девильнева лечили знахарки-старухи, которых приводил обрюзгший от запоев управляющий Еремей, и врач, которого привез из Москвы Пьер Жевахов. Ежедневно приезжал сосед, помещик Захар Петрович Коровяков, он презентовал бальзам, составленный им самолично, травы, настоянные на медово-спиртовом растворе.

Штыковые раны быстро затянулись, даже и шрамов не видно. А голова болит, не вся, а только правая часть затылка. И ноет, и ноет. И вроде свет в ней какой-то вспыхивает. И мерещится Томасу, что цветы друг с другом разговаривают и ветер шепеляво сообщает им что-то свое, тайное. А уж гром-то гремит, так все понять можно, а если зима, то даже в скрипе снега живут слова. Он врачам об этом не говорит, сочтут умалишенным. Пусть врачи тело лечат. И подставлял Томас то одному, то другому врачу свое обнаженное исхудавшее тело.

– Плюньте вы на эскулапов! – говорил сосед Захар Петрович. – Когда меня изувечил слон, которого какие-то негодяи завезли в наши края, я только этим бальзамом и вылечился. А ведь у меня были сломаны три ребра, рука, нога, и было тяжкое сотрясение головы. Но теперь, благодаря бальзаму, вишневым и прочим наливкам, я жив-здоров. Думаю, и вы скоро поправитесь.

В те дни Девильнев значительно пополнил альбом стихами.

И однажды в конце лета приехал в Ибряшкино Пьер. Он прибыл из Северной столицы. До Ибряшкина уже дошла весть, что императрица Елисавет на Рождество Христово, 25 декабря 1761 года, почил в бозе. Подробностей не знали, кроме того, что царствовать стал Петр Третий, племянник Елисаветы. Но Пьер рассказал, что царствие Пети Третьего необычайно быстро кончилось.

Жевахов пил шампанское и рассказывал доверительно больному Девильневу:

– Мой царственный тезка был, что говорится, ни рыба ни мясо. Бывший фаворит покойной императрицы Елизаветы граф Разумовский вконец испортил этого юнца. Получив наконец-то корону, Петя Ульрих только гулял да пыжился. А этого для императора маловато. Своим пристрастием ко всему немецкому восстановил против себя и двор, и народ. Отошел от дел. Сидел в Ропше. Отречение подписал. Только и хватило ума.

Явились к нему с визитом в Ропшу Федя Баратынский да братья Орловы. Алексей и Григорий Орловы – изранены зело в битвах геройских. Воевали с пруссаками. Ну и противно им. Думали: отрекся-то он отрекся, а вдруг в Голштинию кинется, войско собирать? Для того ли мы немцев били, чтобы они снова нам не шею сели? Ну, сели играть в карты, обвинили в плутовстве, затеяли драку, да и придавили под шумок. Я потом с Федором, как с тобой, доверительно говорил. Шутейно его спрашиваю:

– Чего ж ты, голубь, императора задавил?

А он смеется:

– Много ему в карты проиграл, отдавать не хотелось!

Так что сын дочери Петра Первого Анны Петровны и герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, Петя Ульрих, голштинец так называемый, правил даже меньше года. На

большее – ума не хватило! Вот и взошла на престол супруга убитого Пети, София Фредерика Августа, под именем Екатерины Второй. Эта женщина – великая мастерица политики и полная сил. Всегда в действии.

Пьер рассказал о столичных новостях. О сказочном возвышении братьев Орловых. О том, кто теперь в чести, кто в опале. Потом таинственно сказал Девильневу, что пеликан отщипнул еще крошечку своего сердца для одного из своих сыновей.

– Врачи сказали, что ты через два месяца будешь вполне здоров. Я пришлю карету, чтобы тебя привезли в Петербург.

– Зачем? – спросил Томас.

– Там узнаешь! – ответил веселый Пьер. – Но поверь, что тебя ждет нечто приятное.

Пьер уехал. Томас чувствовал себя всё лучше, однажды он позвал Еремея и попросил подать свой мундир. Еремей посмотрел на него сумрачно и сказал:

– Указом нашего императорского величества, ты, французский шпион, арестован, и к тебе будет приставлен мой гвардеец!

– Еремей Георгиевич! Охота вам так глупо шутить?

– А я не шучу! Очень скоро ты поймешь. Ты будешь выслан моим указом обратно во Францию, вместе с прочими французами, а подлого лазутчика Петьку Жевахова я прикажу четвертовать вместе со всеми сородичами его.

Девильнев подумал, что Еремей сошел с ума. Нужно как-то сообщить в Москву старому князю. Но тут вошел здоровенный мужик, и на этом мужике был мундир Девильнева, Томас узнал свой мундир по штопке на обшлагае.

– Пленного не выпускать даже до ветра! Пусть ходит в ночной горшок, хоть днем, хоть ночью! – приказал Еремей этому верзиле. Причем мужик ответил по-военному четко:

– Исполним всё в точности, ваше императорское величество!

Мужик стоял на часах с саблей на боку и с пистолем за поясом. Смотрел сурово. На вопросы Девильнева не отвечал. Когда в комнату Томаса пришла горничная Дуняша, Девильнев спросил её шепотом:

– Зачем мужик стоит у дверей в моем мундире? И что с Еремеем?

– Я, барин, не знаю, – сказала Дуняша, – а только теперь это не Еремей, а государь император Петр Федорович. А мундир твой отдан самому крупному мужику во всем Ибряшкине, Гавриле! Он назначен капитаном. А еще по подобию твоего мундира девки шьют много других и разных размеров. Будут обрывать всех мужиков. Стало быть, будут одевать императорскую армию.

Девильнев тут же незаметно засунул за корсаж Дуняше записку к Захару Петровичу Коровякову. Там было всего четыре слова: «Выручайте с людьми, оружием!»

Еремей между тем облачился в один из праздничных мундиров князя Жевахова, из тех, что хранились на случай в княжеской гардеробной. Все пальцы новоиспеченного императора были унизаны перстнями. Он объявил ибряшкинцам, что все они по его императорскому указу до конца дней своих будут свободны, ни податей, ни поборов не будет, рекрутов верстать более не станут, а вино курить будет свободно любой человек, сколько ему захочется. Как тут было ибряшкинцам не признать в Еремее императора?

Из жеваховских подвалов выкатили три бочки вина, вышибли днища, Еремей отмерял черпаком каждому в его посудину вино. У кого посудыны не было, тому новоявленный император выливал вино в ямку возле бочки. Пожалованный подданный лакал свою порцию лежа на животе. И потом вылизывал ямку, причмокивая при этом. Вот вино уже не зачерпывалось. Два мужика взяли третьего за ноги, опустили головой в бочку, и он сопел там, внутри, вылизывая днище.

Еремей, хоть и исполнял роль императора, успел и сам изрядно откушать из черпака. И повеселел сильно. Наградив тренькавшего на домре Кондратия своим царским пинком, Еремей потребовал:

– А подать сюда немецкую музыку!

Из господского дома ибряшкинские мужики сволокли по лестнице, отделанную резным дубом и перламутром, дорогую немецкую фисгармонию. Еремей уселся на бочонок из-под соленых груздей, растопыренными пальцами принялся стучать по слоновой кости клавиш. Гармония сипела, словно кто-то душил Змея Горыныча, но музыка не получалась. Девки подсказали управляющему-императору, что старый барин при игре нажимал ногами бронзовые доски.

И вот инструмент задышал, из возвышавшихся над ним серебряных труб вырвались протяжные вибрирующие звуки. Под завывания и рокот труб Еремей распростерся, как хищный беркут, над клавиатурой, стараясь захватить пальцами как можно больше клавиш. Он изо всех сил колотил сапогами по ножным педалям. Фисгармония ревела. Ревел и Еремей.

– Разом-двазом, трикуазом,
Шиндер-клиндер, транбабай!
Эйн-цвей-дрей аруйдрузом,
Бундер-клундер траперай!
Юцы-ацы-теликацы,
Квентер-мендер, пендер-жец,
Тица-саца, заикаца,
Абалкаться-пепермец!
Пепермец-пепермец
Нашим ворогам конец!

Как раз в это время из Шараховки примчались трое друзей и охотников: Захар Петрович Коровяков, Ганс Гансович Шнадер и дворецкий Коровякова Осип Петрович. Они получили записку Девильнева. Все трое имели при себе ружья. Увидели веселую толпу мужиков и баб, несколько человек в офицерских мундирах, Еремея в странном одеянии. Ничего не поняли. Стали спрашивать: что тут происходит.

– А вот связать их, мошенников! – приказал Еремей-император. И люди в мундирах тотчас стащили всадников с коней. Еремей приказал их раздеть догола и накрепко связать. Это тотчас было исполнено. Затем всех троих вымазали дегтем, вываляли в пуху и принялись бить кнутами. Бедолаги могли только ползти, и они поползли в сторону Шараховки. Скоро они всем надоели, их оставили лежать на дороге, воткнув каждому в голый зад раскуренную трубку. Вдоволь нахохотались мужики, глядя на дымящиеся зады противников, и направилась в имение Коровякова. Там разграбили коллекцию ружей и пистолетов, перестреляли всех собак. Забрали из конюшни лошадей. Шараховские крестьяне, узнав о добrote нового царя, присоединились к процессии.

Еремей возвел нескольких мужиков в ранг князей и графов, и все их называли светлостью либо сиятельством. Шараховского попа Мефодия Еремей объявил митрополитом. А тот пропел Еремею многие лета.

Вскоре за Еремеем, ехавшем на белом породистом жеребце, тянулась уже не одна сотня конных и пеших. Впереди скакали скороходы-глашатаи, трубили в трубы и извещали всех встречных и поперечных, что царь Петр Федорович не умер от геморроидальных коликов, как было официально объявлено, а жив. Вот он, красивый, кудрявый (Еремей надел великолепный парик), обещает людям новую жизнь, легкую и сытую. Люди кидались целовать полы

его плаща, ноги. Даже некоторые помещики засомневались, а вдруг это вправду царь Петр Федорович?

Отряды Еремея росли, в селах его встречали уже с колокольным звоном. В колоннах шло уже несколько попов с крестами, иконами и хоругвями. «Ампирадорская гвардия» грабила все попадавшиеся ей по дороге обозы, все встречавшиеся кареты и дилижансы.

Тем временем Девильнев смочил тряпицу в воде, наложил себе на лицо. Затем смешал в колбе несколько порошков и сунул туда фитилек с огнем. Из колбы повалил густой ядовито-зеленый дым. Стоявший на часах в мундире Девильнева могучий Гаврила закашлялся и завопил:

– Ай, батюшки! Горим! Ничего не вижу!

Томас прошмыгнул мимо него, побежал на конюшню. Оглядываясь, он видел, что барский дом окутали темно-зеленые клубящиеся тучи. Он знал, что пожара не будет. Хотя и говорит поговорка, что нет дыма без огня. В конюшне Девильнев нашел только одну худую бельмастую кобылку. Оседлал и поскакал окольной дорогой. Странно выглядел сей всадник в халате. Но на первой же ямской станции он сказал начальнику, что требует доложить в Москву государево дело и предъявил документ. Ему дали лошадей и провожатых. Вскоре уже навстречу «императору» Еремею мчались гусары, ехали в карете Левшин и Девильнев.

Толпа не пожелала выдать своего кумира, который был зело пьян и выкрикивал:

– Руби их, ребяташки, в куски!

Но гусары есть гусары. И военная наука есть наука. Всего троих мужиков порубили саблями, да двоих ранили из фузеи. Остальные разбежались. Левшин самолично дал такую затрешину Еремею, что тот упал в грязь и запричитал:

– Каюсь, я не император, каюсь я – не он!

– Да оно и так видно, что ты дерьмо вонючее, чего же и каяться? – сказал Левшин. – Вот уж доставим тебя в Москву, там будет тебе коронация!

А Девильневу Левшин посоветовал ехать в Ибряшкино и спокойно долечиваться.

13. И СНОВА ПЕЛИКАН

Пьер Жевахов прибыл в Ибряшкино осенью. И Девильнев весело рассказывал ему о том, как в его имении объявился император и как бесславно кончилось его недолгое правление.

– Ну его! Мне этот плешивый давно надоел! Давно надо было сменить управляющего. Ладно, теперь уж я его богомерзкую рожу больше не увижу. Еще и мужиков некоторых за глупость сбить за решетку не мешает. Я рад, что ты поправился, и приглашаю тебя в Петербург в гости.

По приезде в столицу весь день они отсыпались, а вечером Жевахов пригласил его поехать в гости. Но не сказал, куда именно поедут. В карете опять были зашторены окна. И лишь по гулкому стуку копыт Томас догадался, что въехали в подвальное помещение.

А там, в подземелье, женщины и мужчины дивно наряженные. И у каждой женщины – по цветной высокой восковой свече. Дамы и рыцари. Одна, в красном платье, Саломея, дочь царя Ирода Великого. Она сказала Девильневу с адской усмешкой:

– Я потребовала себе голову Иоанна Крестителя.

Другая – Астарта – соблазнила в грех израильтян в Ханаане, третья говорила:

– Я взамен сокровищ завладела мудростью царя Соломона. Нравлюсь ли я вам?

А один мужчина, потеряв уши Девильнева, сказал:

– Я Агасфер, Вечный жид, проклятый Христом.

Еще один кривлялся и хохотал:

– Я царь Ирод Великий, избивший четыре тысячи младенцев, думая, что между ними будет младенец Христос.

Были тут: Понтий Пилат, прокуратор Иудеи; император Нерон, сжегший Рим, гроза христиан. Тут же и Ассурбанипал, Иуда Искарот, предавший Христа.

Все они поклонялись идолу Бафомету, украсившему свой лоб перевернутой звездой Люцифера. Рядом с идолом его жена, Мелита, обнаженная, в короне с рубинами, сидящая на диком кабане. Рыцари и дамы целуют части тела Бафомета, его огромный зеленый член с золотыми прожилками, с мокрым глазом вместо головки члена.

Между ними поставлена католическая дарохранительница, из нее, как бы невзначай, рассыпали облатки с изображением Христа на пол. Девильнев оторопел, разглядывая столь вольную и странную ложу. Такого он и во Франции зреть не мог. Он шепнул Пьеру, что хочет немедленно покинуть сие собрание.

Пьер шепнул ответно:

– Замри и умолкни! Они хотят пережить ужас прошедшего, чтобы отринуть всё темное и грязное в будущем.

Девильнев мысленно перенесся во Францию четырнадцатого века. Тамплиеры. Магистр де Молэ. После разгрома ордена Филиппом Красивым и сожжения де Молэ прах магистра сначала вывезли в Шотландию, затем в Америку. И вот давним чадом повеяло в этом российском подвале.

Действо закончилось тем, что Бафомет благословлял всех желающих ударом своего чудовищного члена по голове. Потом каждый причастился напитком, вытекавшим из-под хвоста Бафомета. Девильнев только сделал вид, что глотнул сего напитка. Вскоре они с Пьером покинули залу, уселись в свою зашторенную карету.

– Зачем было ездить туда? – спросил Девильнев, когда возвратились в дом.

– Затем, что сила любит представиться слабостью, – отвечивал Жевахов.

Еще через день был торжественный обед у графа Румянцева. Там Девильнев узнал о присвоении ему майорского чина. За участие в боях против Пруссии ему вручен был орден Святого равноапостольного князя Владимира.

Герой этой войны Петр Александрович Румянцев весело говорил ему:

– Мне сказали, что ты погиб! Я уж очень жалел, что нет больше моего славного учителя французского языка. И только после войны я случайно узнал, что ты хоть искалечен, но все-таки жив. И я сказал государыне императрице, что твои раны должны быть вознаграждены, хотя бы и с опозданием. Поверь, что я нашел бы тебе славную должность в Петербурге. Но вон Антошка де Скалон назначен служить на Алтае, и он хочет взять тебя к себе.

Девильнева представили генералу Антуану де Скалону. Он, как и Румянцев, отличился в войне. Предки его, гугеноты, бежали после Варфоломеевской ночи в Россию. Антон Данилович де Скалон родился в России и был полностью обрусевшим французом. Отлично воевал, брал Берлин. Теперь он был назначен военным комендантом Бие-Катунской крепости.

– Католики и гугеноты в России делаются просто французами. Не правда ли, майор? – сказал он Томасу. – Предлагаю вам послужить на Алтае. Её императорское величество озабочены нападением Китая на Джунгарию. Племена джунгаров вытеснены со своих земель и движутся на запад. Они вступают в борьбу с подвластными России народами. Там нужно поставить прочный заслон. Понимаю, что вы еще не совсем окрепли. Я еду в те края завтра же. А вас жду зимой. Зимний путь в сибирские края проще, все реки и болота застынут. Дорога будет прямее. Жду. Хоть будет с кем поговорить на родном языке.

Девильнев возвратился в Ибряшкино полный надежд. Узнав о предстоящем путешествии Томаса, явился к нему с визитом Захар Петрович Коровяков. Он уже оправился после огорчительного происшествия. Выпорол всех своих деревенских подданных подряд, не считаясь ни с полом, ни с возрастом. И объявил, что будет пороть их до конца их жизни, всякий раз, как настанет годовщина бунта.

Теперь он принес Томасу свою бобровую шубу. Подарил еще немецкие пистолеты и английское ружье.

– Молодой человек! – воскликнул Коровяков. – Если бы вы знали, как я вам завидую! Вы будете в краях, где не ступала нога человека. Вам придется сражаться с дикарями и чудовищами. Вы будете весь в шрамах и орденах!

– Спасибо! – отвечал Томас. – Шрамов и орденов с меня достаточно. Но долг превыше всего. И новые страны посмотреть будет полезно.

Вызов и проездные бумаги он получил в разгар зимы. При прощании плакали крепостные сиделки, выхаживавшие Девильнева. Им нравился тихий ласковый барин француз. Но не было здесь Палашки. И жители Ибряшкина и окрестных сел ничего не знали о её судьбе.

Из Москвы Томас выехал в шлафвагене. Это была такая огромная карета, имевшая внутри печку для подогрева. Но в ней он смог доехать лишь до Казани. Дальше пришлось ехать обычными каретами. Томас сочинял и читал вполголоса стихи, они помогли ему переносить тряску и качку, холод и жесткость сиденья. Он поглядывал в заиндевшее оконце кареты, чуть раскачивался и бормотал:

Трепет длинных желтых струн,
Твой венок из мертвых трав,
череп мертвый им украшен,
в подземелье свет погашен.
Твой венок из мертвых трав,
Разве в этом я не прав.
Кто ковал, в какой ночи
Эти лилии болота?

И осоки, как мечи,
Здесь расставил всюду кто-то.
Вкус вина и яда вкус
И бездонный глаз удава,
Сердца к нам подвешен груз,
чтобы мы не убежали.
Мысль, как ящерка,
скользнула —
и остался только хвост.
Плащ, клюка, свеча, молитва,
там где стелется мираж,
И свеченье золотое,
Что такое, что такое
Эта времени частица?
Это времени частица?
Или только был мираж?

Полтысячи дорожных станций. Подорожные документы должны были свидетельствовать, что проезжающий оплатил «прогоны». Обычно на российской почтовой станции первый этаж – ямщики, бродяги, арестанты, запах сивухи, прелых онуч. Утеха – коптящая сырой осиной печь, большой самовар, полати и лавки, на которых спали вповалку. На втором этаже тепло дарили украшенные изразцами печи-голландки. В буфете звякал фарфор, источали запахи горячие закуски. В спальне широкие кровати были застланы немецкими пуховиками.

На каждой такой станции купцы доставали свою снедь. Иногда некоторые из них угощали Девильнева. Заночевали раз в ямской избе в Барабинской степи, молодой кареглазый и русобородый купчик сказал Девильневу:

– К нашим дорогам надо привыкнуть. Я вот вожу с собой мороженые пельмени и мороженые щи. И в Москву с ними ездил, и обратно мне на всю дорогу своего питания хватит! Мне никакой трактирной пищи не надо. Везу щи в мешке, вроде бы – кусок льда. А вот сейчас разморожу, и поснедаем!

Томас убедился: щи были совершенно свежими и чудесно пахли жирной наваристой говядиной.

Купец представился:

– Шумилов я, Петр Федорович. Из славного города Томска. Вы не к нам едете? В Алтай? Ну что же. Может, когда к нам в город завернете, так милости прощу. Всегда будем рады!

– В отличие от вас, я в своих делах не волен! – отвечал Девильнев. – Я человек военный, еду, куда прикажут. Но если буду в вашем городе, непременно зайду. За щи огромное спасибо. Очень оригинальный способ сохранять пищу свежей всю зиму! А чем ваш город знаменит более всего?

– Приезжайте, сами увидите! Есть и воины, есть и торговцы, и крестьяне. В Сибири жить вольнее, пока что это не все поняли. И слава богу!

В этой дороге Девильнев ознакомился с музыкой бескрайних просторов. Они пели голосом железа и меди. Это звалось бубенцами, которые привешивались за ушки к хомутам, дугам, кистям на уздечках, к седелках и оглоблям. Были колокольцы величиной с кулак, и назывались они «болхарями», а были поменьше: «глухари», «громки», «шаркунцы». Они подбирались по тону. Изготавливались кустарно, имена мастеров склонялись на все лады на почтовых станциях. Так тревожно и сладостно было услышать вдалеке в снежном тумане

звон бубенцов встречной тройки. Вот чья-то неведомая жизнь мчится тебе навстречу, разминется и умчится в неизвестность.

И во тьме почтовых станций, и в каретах ему светили глаза Палашки, глядевшие сквозь пургу. Впрочем, если она жива, то, наверное, совсем не та. Нет, никогда не вернется её первозданная свежесть. Никогда она не будет такой, какой он увидел её впервые. У него самого поредели кудри, появились в них первые седины.

Он ехал. Удивлялся перемене пейзажей. Могучие горы сменялись болотами. Потом тянулись бескрайние степи. За ними зелеными морями шумели леса. Потом вставали вновь отроги и причудливые вершины гор. Так он встретил в дальнем пути 1765 год.

Не нужно было украшать елочными ветвями дом, ибо дом его теперь был кибиткой. И она проплывала мимо океанов хвои. А иногда поднимался снежный ураган и пел вослед ездокам:

Мрака страна
Сердцу нужна,
Сердцу любезен холод,
Камень, стена,
Вот сторона,
Где я всегда молод.
Кто-то орехи грызет,
А я
Грызу черепа людские,
Эта страна
Сердцу нужна,
И не нужны другие.

Отверзались просторы. В горах летели камнепады, сверкали молнии, валялись вековые ели и кедры. А на севере мерцали северные сияния, словно оборки платья сатанинской подруги. И всё это была Сибирь, бескрайняя и пока не очень понятная. У Томаса сильно болел проколотый прусским штыком бок.

Много километров кареты и кибитки тащили Томаса Девильнева по сплошной тайге. Потом дорога повернула к югу, всё чаще налетали снежные бураны. И наконец впереди показались горы.

14. ЩЕМЯЩИЕ ЗВУКИ ЦИНА

В крепости в обед, как бы в подражание столице, выстрелила пушка. Не так давно получивший генеральское звание и назначенный командующим всей алтайской крепостной линией, Антон де Скалон вышел на крыльцо нового каменного дома и сверил с выстрелом свои золотые часы, подарок императрицы.

В это время пропела сигнальная труба, извещавшая, что на горном пикете появились дымы. Наблюдатель на ближнем к крепости пикете, заметив дым дальнего пикета, дал отмашку. И тогда сорвался с места всадник-скороход. И вот он уже в Бие-Катунской крепости, рапортует у крыльца командующему: на горной дороге замечен караван в два десятка повозок.

Бой барабана. Казаки с фузеями в руках поднимаются на стены крепости. Конные ватаги вылетели из ворот с пиками наперевес. Генерал глядит со стены в подзорную трубу. Караван подошел к Бие-Катунской крепости. Уже видно, что это мирный караван. Несколько саней с русскими крестьянами-переселенцами, карета, в которой, видимо, едут чиновники, верховые казаки, волокущие на арканах несколько нерусских мужиков. Петли, захлестнувшие шею, заставляют их бежать и хрипеть. Но лица их выражают бесконечное терпение: раз надо, значит, надо! Из обитых кошмой санных кибиток выглядывали неведомые загорелые люди в теплых синих ватных халатах и остроконечных колпаках.

Карета остановилась у крыльца комендантского дома. Из неё вылез, разминая онемевшие ноги, Томас Девильнев. Внимательно оглядел он несколько приткнувшихся к горе домишек, длинную казарму, плетни, частоколы, церквушку, казарму и замысловатое строение восточного типа. Удивляло, что солнце здесь пригревало совсем по-летнему. С возвышенных мест здесь уже сочились снеготопки. А еще недавно в степях Барабы Девильнев видел на дороге замерзшего насмерть ямщика.

С крыльца комендантского дома навстречу Девильневу шагнул улыбающийся Антон де Скалон.

– С прибытием в страну золотых грез, господин майор!

В доме Томаса поразило обилие цветов из оранжерей, запах парижских духов. Девильнева приветствовали красивые женщины и два мальчика и девочка – дети генерала. Одна из женщин была женой генерала, другая была её подругой, компаньонкой, француженкой, бог весть зачем пожаловавшей в эти края. Звали её Франсуазой.

Обед был простой, но сытный. Копченое мясо дикого кабана, пироги с рыбой и клюквой, наваристый китайский чай, домашние настойки и наливки. После обеда Антон де Скалон рассказывал Девильневу:

– Каковы здешние народы? Рябит в глазах! Пестрота! Ты видел синехалатников на санях? Это беглые. Джунгарская знать передралась за престол. Цинский император Хун Ли под шумок огнем и мечом прибрал Джунгарию к рукам. Степи и горы заполнены беглыми. В горах и степях бродят шайки хунхузов²¹. Тысячи кибиток откочевали в Сибирь и на Алтай. Есть среди беглых соглядатаи, шпионы. И еще есть отряды в горах. Приходят неведомые люди и требуют дань. Двенадцать алтайских зайсанов обратились к матушке императрице с просьбой принять их под её высокую руку. Нами получено повеление исполнить это.

Еще недавно в моей крепостной линии было очень мало солдат. Несколько крепостей было разгромлено. Но я создал пешие и конные отряды из беглых раскольников, это как бы здешние гугеноты. У меня хорошие кавалеристы из донских казаков и ссыльных украинских

²¹ Хунхузы – разбойники.

казаков. Я строю новые крепости. Не хватает людей. И такой славный офицер, как ты, – большая подмога. Идем в караван-сарай, посмотрим на приезжих.

Они прошли в темноватое здание, возле стен были устроены галереи, а в двух залах размещались экипажи, тюки с товарами, верблюды, кони и люди. Дервиши, коричневые от вечных ночевок под открытым небом и степных ветров и в юбках из грязного рядна, привлекли внимание Девильнева. Они выкопали в караван-сарая яму, насыпали туда горящих углей, разулись, окунули ноги в тазы со святой водой. И вот они стали прогуливаться по углям. Шли неспеша, но как бы пританцовывая. Зрители сгрудились возле ямы, многие глазели сверху с лестниц и галерей, что-то восхищенно покрикивая.

Девильнев подошел к тазу со святой водой, сунул палец в таз, потом понюхал его, лизнул. Соль! Ага! Надо будет когда-нибудь самому попробовать пройти босиком по углям. Дервиши закончили свое хождение, вылили воду из медного таза в кувшин. Протерли таз полами своих юбок. Один из дервишей зазвонил в колокольчик, призывая к подаянию, а второй стал обходить с тазом зевак, сгрудившихся вокруг людей. Кто кидал в таз кусочек лепешки, кто горстку риса. С галерей и лестниц прилетели две монеты. Одну из монет дервиш попробовал на зуб. В этот момент верблюд, меланхолично жевавший обломок веника, брезгливо сплюнул и попал прямо в священный таз!

Дервиши поспешно скрылись. Антон де Скалон и Девильнев вышли из караван-сарая и стали осматривать крепостные укрепления. На крепостной стене сидел синеглазый золотоволосый юноша, в расстегнутом мундире, с однострунным инструментом с необычайно длинным грифом. Под рукой музыканта жильная струна вибрировала и издавала щемящие звуки, способствовавшие грусти. Юноша пел:

Мне грудь твою не мять уже, Сесиль,
И лепестков не рвать тончайшей розы,
Из глаз моих текут немые слезы,
Мне грудь твою не мять уже, Сесиль.
Все кончено, печальный этот май
Принес с Зайсана – смерти хризантему
И оборвал любви моей поэму,
Все кончено, печален этот май.
А завтра с императором Хун Ли
В горах Алтая предстоит сражаться,
И навсегда в глухой степи остаться,
Лежать костями в бурьяне и пыли.
Мне грудь твою не мять уже, Сесиль.
И лепестков не рвать сладчайшей розы,
Из глаз моих текут немые слезы,
Мне грудь твою не мять уже, Сесиль.

– Это поручик Жак Сорель, – шепнул Антон де Скалон Девильневу. – Он недавно по моей протекции переведен сюда из Петербурга, конечно, у него есть там подружка, и в этом диком краю без привычки скучновато.

Поручик вдруг заметил начальство, отложил свой инструмент и поспешно вскочил, застегивая мундир.

– Что за странный инструмент у тебя, Жак? – спросил Антон де Скалон. – Я впервые в жизни вижу такую штуку.

– Сие, господин генерал, китайский однострунный цин. Я подобрал его после одной стычки с вражеской шайкой в горах. Его обладатель был мной зарублен в палатке, когда он звуками сего инструмента вдохновлял нашего неприятеля. Это мой трофей!

– Что ж ты владеешь им по праву и уже неплохо его освоил.

– Так я же музыкант, ваше превосходительство!

– Это хорошо, что у нас есть свои музыканты. Музыка – это голос бога. Можете продолжать свой концерт, поручик, но помните, что в любой момент может прозвучать боевая труба.

Антон де Скалон и Девильнев пошли к центральным воротам, над которыми на башне были видны жерла гаубиц. Бастионы, надолбы, палисады, заостренные бревна в два ряда. Под защитой стен – обширные цейхгаузы.

Антон де Скалон указал на синевшие за стенами крепости леса:

– Там наши форпосты, маяки и полумаяки. Сигнальная система. И все же этого мало, чтобы создать надежный заслон. Нам нужно срочно ставить новые крепости, форпосты и пикеты. Её величество Екатерина Вторая посылала посольство в Китай и получило от Хун Ли дерзкое письмо. Она требует от нас поставить такую линию, чтобы воспрепятствовать проходу неприятеля по суше и пресечь планы выхода его судов из озера Зайсан, в Иртыш. Разведчики доносят, что на сем озере стоят корабли, а на них тысячи отборных воинов ждут команды.

Я понимаю, милейший Томас, что вам хочется отдохнуть с дороги, но время не ждет. Вам завтра придется готовить отряд для похода в горы. Через день вы выступите на встречу с зайсанами и будете потом ждать прибытия Амурсаны к горному озеру страны Телесов. Амурсана – один из претендентов на ханский престол. Великий гунн, великий князь монголов, вот каков его титул! Возит его по степям и горам волшебный конь марал-баши светло-саврасый.

Говорят, он умеет летать по воздуху. Что вы скоро сможете подтвердить либо опровергнуть. И может, воспользуетесь случаем и научитесь у него летать? Нам не помешал бы майор, летающий по небу, – пошутил Антон де Скалон. И продолжил: – В этой экспедиции вы должны быть не только воином, но и дипломатом.

За ужином у Антона де Скалона Томас подивился тому, что генерал в сей глухомани устроился вполне по-городскому. Печь была с муравленными под траву изразцами, с рельефными изображениями жар-птицы и львиных личин. Киоты с иконами, зеркала, портреты Екатерины Второй, графа Григория Орлова. Персидские ковры, дубовые столы и стулья, голландский фарфор.

К ужину было подано много варений и печений. Были канарский сахар и жулярский чай. Вделанные в стену над камином большие часы отмечали тихой музыкой каждую четверть часа.

Франсуаза играла на клавесине и пела песенки далекой Франции. Девильнев глядел, как вздымалась ее грудь, как крошечный рот изображал букву «о», когда Франсуаза брала высокие ноты. Он испытывал противоречивые чувства. Это была женщина с его родины, красивая и по-французски немножечко развязная. Она ему нравилась, но он невольно сравнивал её с Палашкой.

Через два дня он повел свой отряд в поход. Франсуаза стояла на крепостной стене и махала большим белым платком. На встречу с зайсанами отряду идти пришлось долго. Звенящий воздух, ели в распадах, освободившиеся из ледового плена чистые, гремучие реки. Дальние вершины гор напомнили Томасу Альпы. Но была непонятная пока особенность этого горного края. Здесь больше было величия и тайны. Огромный камень был на пути отряда, казалось, вот он, рядом, но отряд был в пути и час, и другой, и третий, а камень как бы отодвигался, не позволяя приблизиться к нему.

Лишь через два дня подошли вплотную к этому странному стражу гор. И было слышно, как в глубокой расселине шумит река. Дальше пришлось вести лошадей в поводу, навьючив на них снятые с телег тюки.

Двенадцать алтайских зайсанов собрались в маленьком таежном аиле. Вокруг них стояли шаманы с бубнами. У каждого на груди по девять кукол, символизирующих девять священных вершин Алтая. Важные старцы с длинными трубками, завидев приближавшегося к ним Девильнева, зацокали языками, поклонились, подали Томасу раскуренную трубку. Он глотнул дыма и чуть не задохнулся. Крепкий табак курили зайсаны! Затем все расселись под елями на камнях, покрытых коврами. Камни стояли полукругом, в центре горел костер. И жарилось мясо дикой козы. И пеклись лепешки.

Старший зайсан заговорил, и алтаец толмач перевел:

– Велик Алтай. И мы, двенадцать зайсанов, им правим. Было так, что мы не платили никому. Теперь приходят многие и требуют дани. Бегут люди из разоренной Джунгарии, хотят кушать и нападают на наших людей. Приходят люди Хун Ли, убивают нас. И беда каждый день идет с другой стороны. Мы делали письмо императрице Елизавете Петровне, прося великодушно принять нас со всеми нашими улусными людьми в подданство. Она писала ответ. Согласна. Она обещала нас оборонять от всех бед. И сегодня мы преломляем хлеб и на нем клянемся: на русских людей лука не натягивать, стрелы не накладывать, саблей не замахиваться, из фузеи не стрелять, никакого другого лиха не делать. Ежели кто с улусом своим изменит, то шею его рубить!

Зайсаны²² отщипнули от лепешки по кусочку и сжевали. Затем каждый подполз к Девильневу и поцеловал лезвие его сабли. После этих церемоний зайсаны приложили печати к бумаге, в которой была записана их клятва на верность российскому престолу. Бумагу эту Девильнев поручил своему помощнику Жаку Сорелю упрятать в особый ларец и беречь как зеницу ока.

Затем состоялся торжественный обед. Мясо дикой козы запечено было так искусно, что образовалась мягкая хлебная корка. Лепешки излучали аромат, туеса с медом и брусничкой переходили из рук в руки. В чашках дымился китайский чай. Был и хмельной напиток, необычайного вкуса. Вскоре всем стало весело, и тогда Девильнев обратился к зайсанам:

– Достопочтенные! Мы теперь должны вас беречь и охранять. Для этого нам надо знать страну. Дайте нам доброго проводника.

– О, подобный грому и стреле, посланец великой императрицы! – сказал старший зайсан. – У нас есть человек Шегереш, который знает все тропинки всех гор, все озера и реки. Возьми Шегереша в проводники, мы ему верим как самим себе, и ты тоже верь ему!

И вскоре отряд Девильнева двинулся дальше в горы, распрощавшись с гостеприимными властителями горной страны. Шегереш ехал на маленькой лошадке рядом с Девильневым и говорил:

– В горах ваши большие лошади не годятся, они не умеют ходить над пропастью, ломают ноги о камни. Поменяйте своих больших лошадей на наших маленьких, вам же будет лучше!

Девильнев спрашивал Шегереша, какую должность правит он при зайсанах.

– Никакой! – сказал Шегереш. – Я подчиняюсь только солнцу, луне, огню и воде. Я охотник и путешественник, вот и все. Я обошел весь Алтай пять раз по пятьдесят! И все равно я не прошел и десятой части Алтая!

Девильнев опять живо представил, как, прощаясь, Франсуаза вложила в карман его камзола листок свернутого в трубку пергамента.

²² Зайсаны – люди, имеющие губернаторские полномочия.

– Это вы должны прочесть, когда будете в горах! – шепнула она. Он счел это дамским капризом. И вот они идут к Алтын-ту – золотой горе, к Алтын-кель – золотому Телецкому озеру. А его карман жжет пергамент, в котором написано крестовым, секретным шифром: «Дорогой Брат, с нашей помощью вы попали в места известные, как кладезь ртути и золота. Это вернее всех ваших прежних изысканий, которые нам хорошо известны. И ложка велит вам пройти по легендарной Золотой горе, взять пробы породы для амальгации!»

Девильнев думал о том, что трудно будет ему жить, связанному принципом священной монархии и еще – клятвой и ритуалом посвящения в рыцари тайного ордена.

– Говорят, по берегам здешних рек можно найти красные глины, а по берегам озер водится серебро и золото? – спросил Девильнев.

Шегереш долго молчал, потом ответил на вопрос Девильнева легендой:

– В голодный год некий алтаец решил выменять огромный самородок на мешок ржи. Никто не стал менять хлеб на золото, и тогда отчаянный человек бросил свой кусок золота в озеро с горы. С тех пор гора и зовется золотой.

А Девильнев вспоминал, что неподалеку, около водопада Корбу, в 1633 году томское войско боярского сына Петра Сабанского разбило войска телецкого князька Мандрачки. Тогда телесы признавали себя подданными России. Сабанский поставил здесь Телецкий острог, зимой обмерил озеро, пройдя на лыжах по льду. Назвал он озеро Телецким потому, как ночью ему приснился белый телец. Но и острог разрушен, и алтайцы вновь присягают на верность. Мир вечно бурлит и изменяется, как сплав в тигле алхимика.

– Так ли здесь ценны металлы? – повторил вопрос Девильнев.

– Я покажу! – ответил Шегереш. – Я покажу это, чтобы туда не пришли другие. Теперь оставь здесь коней, повозки и охрану, возьми с собой двух верных людей, мы пойдем в пещеру.

На склоне поросшей лесом горы Шегереш отвалил камень, обнажив дыру.

– Лезь за мной! – сказал Шегереш. – Остальные пусть ожидают здесь, пусть разобьют лагерь и будут настороже, ибо ходить будем долго.

Девильнев оставил за себя Жака Сореля. И полез за Шегерешем в темноту. Шли, прислушиваясь к дыханию друг друга в полной темноте, неведомо куда, чувствовалось, что тропинка идет наклонно.

Тем временем наверху казаки расположили тюки так, чтобы получилось ограждение. Часовые спрятались в кустарниках в четырех сторонах от лагеря. Одни участники похода осматривали коней, другие варили кашу, третьи размещали в удобных местах маленькие походные пушки и боеприпасы, копали землю, насыпая брустверы. Ибо первым приказом Сореля было сделать надежный ретраншамент²³.

Томас думал, что проводник заблудился, но впереди забрезжил свет. Пещерное озеро недвижно лежало у подножия терракотовой скульптуры всадника-воина. Шегереш шепнул:

– Он стережет дорогу к озеру духов.

Густые клубы пара поднимались от странного озера. Глаза слезились, голова кружилась.

– В этом озере нельзя плавать, из него нельзя пить. Тут даже и задерживаться нельзя! – сказал Шегереш. – Духи сделают наши головы свинцовыми, и мы останемся здесь навсегда. Здесь много погибло глупых людей. – Он осветил своим факелом лежавшие возле пещерной стены скелеты. – Они тоже были любопытны! – усмехнулся охотник. – Им тоже понравилось это красивое озеро.

Девильнев сунул конец сабли в бассейн, вынул, поглядел: конец сабли матово засеребрился. Это была ртуть.

²³ Ретраншамент – укрепление.

– Ходи! Ходи! – торопил Шегереш. – Над нами гремит не гром, там пушка гремит. Там напали!

Бежали и слышали топот многих ног. Ход сузился. Шегереш повернул камень. За спиной у них загрохотал камнепад. И преследователей уже было не слышно. Вылезли они из пещеры и сразу увидели китайских стрелков, с луками и старинными пищалями. Шегереш накинул на шею одного из стрелков аркан. Девильнев с двумя казаками схватился со стрелками врукопашную. Синехалатные люди в треухах кинулись бежать, лишь одного из них удалось задеть саблей. Эти воины были босыми, удивляло то, что они могут так ловко ступать по острым камням.

– Суспиция²⁴ принесла нам успех! – доложил Сорель.

Теперь предстояло допросить пленных. Девильнев спросил Шегереша – понимает ли тот по-китайски. Шегереш ответил, что может говорить не только с китайцами, но и с уйгурами, монголами и прочими людьми.

Трое пленных оказались джунгарами. Они гневно жестикулируя, тыкали пальцами в четвертого пленника, даже плевались и ругались. Шегереш перевел их слова. Они были крестьянами, которых насильно отправили в этот поход. Четвертый пленник был китайцем. Джунгары требовали немедленно им всем обрезать косы. Оказывается, косы им приходилось носить в знак покорности китайскому богдыхану. Если кому-либо со зла во сне отрезали бы косу, то уже утром он был бы казнен китайскими властями как бунтовщик.

Джунгары так мотали головами и так вопили, что Девильнев милостиво приказал тотчас отрезать им косы. Тогда один казак и сотворил сие дело своей острой саблей. Косы он забрал себе в качестве трофея. Джунгары сразу заулыбались. Видимо, оттого, что сумели насолить поработившему их китайскому императору. Их усадили у костра, дали трубки. Дали покурить и китайцу. И Шегереш о чем-то спросил его по-китайски. Китаец лукаво улыбнулся и неожиданно сказал:

– Мне переводчик не нужен, я сам говорю по-русски, вот вам крест святой! – и широко перекрестился.

Ван Суслонов, так звали китайца, рассказал, что он был солдатом личной императорской гвардии. В гвардии служат исключительно выходцы из России. Когда-то давно китайцы захватили Албазинский острог. Это была крепостца на Амуре, основанная в 1649 году Ерофеем Павловичем Хабаровым. Китайцам понравились сильные и смелые русские воины, которые хотя и были изранены, но не просили пощады. Их увезли в Китай, вылечили. Императору понравились светлолицые здоровяки. Предложил им службу. Они согласились с условием, что им дадут сохранить свою веру.

Среди них был и отец Ван Суслонова. В Пекине у русских гвардейцев – отдельный городок. Часовня. Гвардия имеет желто-голубой флаг. Постепенно эта гвардия желтеет всё больше. Жены-то китайки. Первые гвардейцы были, понятно, русыми, их дети – с небольшой желтизной, а уж внуки в большинстве своем – вылитые китайцы. Вот и Ван Суслонов желтоват, и немного раскос, но язык не забыл и крест на груди имеет. Кому – Лао-Цзы и Конфуций, а нам – Христос!

Закончив свою речь, Ван Суслонов вновь перекрестился.

– Как же ты, императорский гвардеец, попал в сию экспедицию? – спросил Девильнев.

– Очень просто, на меня стала заглядываться жена одного из наших мандаринов, он-то и послал меня в этот отряд, в надежде, что меня здесь убьют.

– Скорее всего, тебя послали в качестве лазутчика, раз ты знаешь русский язык, – сказал Девильнев. – И теперь тебе долго придется быть в плену. Ломать камень в каком-нибудь

²⁴ Суспиция – столкновение.

руднике. Вот как перелопатишь, братец, гору руды, так обратно посветлеешь и глаза у тебя косить перестанут.

Вскоре взяли в плен еще несколько китайских солдат. Эти были настоящими китайцами.

– Что это вы жуετε, мерзавцы? – спросил Девильнев.

– Корень буху! – перевел Девильневу ответ Шегереш. И пояснил, что буху-корень означает силу. Маралы копытами выбивают его из земли, жуют. И у них добавляется сил. Оттого корень этот иногда прозывается маральим. Соцветие его бывает лилово-розовое.

И Девильнев сказал тогда парнишкам свою речь:

– Жуйте, жуйте! Теперь вам сила понадобится в рудниках! Строитель Великой Китайской стены император Цинь Шихуанди однажды изрек: судьба, решенная ночью, несчастливая судьба. И тогда ваш мудрый император велел строить только днем, обязательно при свете яркого солнца, по границе Великую Китайскую стену. И в свете восточного солнца стена встала огромной и прекрасной! Зачем же вы выходите с оружием за её пределы?

Один из парнишек сплюнул зеленой слюной и ответил:

– Нас ведут старшие! Они знают! А нам хочется видеть и родителей, и сестер, и братьев. Мы жуем буху, чтобы дожить до того дня, когда мы их увидим вновь.

Гремели обвалы, парили высоко в небе орлы. Изредка встречались маленькие аилы. И наконец с вершины высокой горы открылась перед путниками панорама лежащего среди гор озера. Телесы! Чуть заметные тропы ныряли в распадки и снова вели вверх. Выскочивший из-под ноги Девильнева малый камушек полетел, сшибая на пути другие малые камушки. Вскоре вниз летела уже лавина.

Заметили на берегу озера дымы. Вперед ускакали разведчики. И вот возвращаются. Здесь остановился отряд великого Амурсаны, на том самом месте, у той самой скалы, стоя на которой когда-то осматривал здешние места Будда Гаутама, великий ботхисатва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.